LE COURRIER SOCIALISTE

THE SOCIALIST COURIER

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 1 раз в месяц.

Адрес редакции и конторы: 7 East 15th St., Room 407, New York 3, N. Y.
Direction et Bureau en France: F. ATRAN, 6, Square de l'Opéra. — PARIS.

№ 12 (649)
31-ый год издания

Нью-Йорк - Париж
Декабрь 1951 г.

в С.Ш.А. 35 ц.
Цена: En France 50 Fr.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: Нужен план.
М. Хиной: "Пушки" и "масло" в США.
С. Шварц: После Висбадена. (К национальному вопросу).
П. Берлин: Границы тоталитаризма.
Г. Токаев: Создатели МИГ-15.
П. Мейер: За кулисами дела Сланского.
Р. А.: Историческое преступление. (К 10-летию убийства Эрлиха и Альтера).
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ:
В. Александрова: Неразрешимая загадка положительного героя.
Кто первый напечатал завещание Ленина?
РАБСКИЙ ТРУД В СССР:
С. Шварц: Статистика рабского труда.
Ив. Миронов: И люди, и режим.
ПАРТИЙНАЯ ТРИБУНА:
Р. Абрамович: Наши разногласия.
Заявление Г. Аронсона, Б. Двинова и Б. Сапира.
Проект резолюции Нью-Йоркской Группы РСДРП.
Указатель за 1951 год.

НУЖЕН ПЛАН

Провал конференции Великой Четверки по вопросу о разоружении ни для кого не явился неожиданностью. Как пишет испанский философ-публицист Сальвадор де Мадарьяга в нью-йоркском «Нью-Лидере», страна, желающая мира, никак не может заключить мир со страной, стремящейся к войне. Как могут демократические страны, которым соглашение по разоружению нужно для того, чтобы обеспечить мир, договориться со страной, которой «разоружение» нужно только для того, чтобы, радикально ослабив своих будущих противников, в то же самое время чрезвычайно усилить свой собственный военный потенциал?!

Первым условием, которое Вышинский на этой конференции четырех ставил, как **ультимативное** и **предварительное** для всяких дальнейших переговоров о разоружении, это — **немедленное** запрещение и объявление вне закона атомного оружия. Другими словами, Москва, прежде всего, еще до формулирования конкретных и реальных гарантий, стремилась вырвать из рук США атомную бомбу. Если бы союзники на это требование пошли, — а пойдя, конечно, не могли бы уже, под давлением общественного мнения, парламентов, законодательств и всей своей конституции, пойти назад, — то тогда перед лицом вооруженного до зубов Кремля оказались бы фактически обезоруженные великие державы Запада.

К счастью, западные демократии еще не превратились в «клуб самоубийц». Конференция кончилась ничем, и гонка вооружений продолжается.

Из статьи М. Хиноя в этом номере нашего журнала читатели могут составить себе представление о темпе, которым развивается вооружение США: по заявлению директора промышленной мобилизации, военная промышленность увеличивает свою продукцию каждый месяц на 1 миллиард долларов. Мы обращаем внимание на то, что это не значит, что в месяц производится военных материалов и разных видов оружия всего на один миллиард, — это значит, что с каждым месяцем общая ценность производства увеличивается еще на один миллиард по сравнению с предыдущим. Весьма вероятно, что к концу 1952 года общая сумма расходов на военные приготовления может дойти до 20-25% всего национального дохода США. Но ведь Америка не единственная страна, которая расходует огромные суммы на вооружение: делают это — с риском государственного банкротства — и Великобритания, и Франция, и маленькая Бельгия, и Голландия и все остальные страны Атлантического блока.

Можно не сомневаться, что и страны Советского блока, во главе с СССР, тратят гигантские суммы на свои вооружения.

Верить или не верить в чудо, дело личного темперамента. Историческое развитие никогда не является математическим уравнением. Но при такой гонке вооружений с обеих сторон всякий ответственный политик должен считаться с тем, что конфликт надвигается: осторожные люди будут говорить о «возможности», более пессимистические — о «вероятности», крайние пессимисты —о «неизбежности» его. Но даже, если принять формулу «возможности», руководители демократических государств должны быть готовы не только в отношении военно-технической подготовки, но и подготовки **политической.**

Нужно сказать, что — как нам теперь известно, — вторая мировая война велась союзниками без всякого политического плана. Это не наше суждение, это, к сожалению, документально установленный факт. У начавших эту войну тоталитарных диктатур были заранее заготовленные, весьма конкретные и детальные стратегические, политические, территориальные и всякие другие планы. Они точно знали, чего хотят и куда они пойдут в случае победы их оружия. Как известно, уже в первые месяцы войны 1939-40 г. г., Гитлер и Сталин пытались столковываться о совместном плане завоевания и раздела мира, причем в этих переговорах каждая сторона имела точную программу своих требований и пожеланий. Даже когда война приняла неожиданный оборот, и Сталин подвергся «вероломному» нападению со стороны Гитлера, он, после короткого периода растерянности и воплей о помощи, полностью оправился и довольно скоро стал другими путями и другими руками, т. е. при помощи совершенно других государств, осуществлять все те же старые планы, которые он собирался достигнуть с помощью Гитлера и путем полного истощения демократических государств. Судьба Польши, балканских стран, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Китая, Кореи были уже предрешены — пока на бумаге — в Кремле еще в первые месяцы 1942 года, когда огромная часть Европейской России была еще оккупирована неприятелем.

Может быть, Сталин именно потому и смог осуществить свои планы, что он их так рано задумал и так заблаговременно стал делать шахматные ходы в должном направлении, — в эпоху, когда союзники об их существовании даже еще не подозревали.

Союзники действительно не подозревали. Не только потому, что они были очень далеки тогда от понимания истинной сущности стратегии, политики и «морали» сталинской диктатуры, но, главным образом, потому, что они ни разу не дали себе труда реалистически и конкретно продумать до конца свою политическую стратегию и построить свои собственные политические планы.

Это, может быть, не совсем верно по отношению к Англии, которая все же имела большой политический опыт и мировые перспективы, диктуемые уже самим положением Британской империи. Черчилль неоднократно пытался внести элемент политического расчета и предвидения в военную стратегию союзников. Иначе обстояло дело с США, этой могущественной, но неискушенной в мировой политике демократией. Рузвельт вообще упорно отказывался от включения политики в военные планы союзников. Он раз навсегда усвоил себе максиму, что «прежде всего надо выиграть войну». Они все политические соображения, которые ему подсказывали то союзники, то его собственное политическое чутье, — которое ему, впрочем, в международных делах не раз изменяло, — подчинял интересам военно-стратегическим. В такой страшной и трудной войне, — утверждал он, — надо прежде всего победить, а остальное потом приложится. В нем был очень силен оптимизм убежденного демократа, который твердо верил, что с помощью освобожденных от ига народов все как-то «образуется».

Ввиду огромного перевеса, который США приобрели в ходе войны над всеми другими союзниками, война была доведена до победного конца без всякого ясного политического плана. И потому каждая проблема, которая на другой день после победы возникала перед победителями, на руках у которых внезапно оказался почти весь земной шар со всеми его бесчисленными вопросами, трудностями и противоречиями, застигала их врасплох. Им приходилось импровизировать решения при помощи совершенно неподготовленных советников (так. напр., была спешно импровизирована нынешняя линия Нейсе-Одер в Германии, или 38-ая параллель в Корее).

Вдобавок, Рузвельт умер почти в самый момент победы в Европе и за несколько месяцев до победы в Японии. Президент Трумэн, до того не принимавший участия в разрешении больших мировых проблем, оказался неподготовленным к той роли мирового арбитра, которая внезапно упала на его плечи.

Таким образом, победа в войне привела к поражению США и союзников в деле построения системы прочного мира.

То, что один раз было ошибкой, может при рецидиве стать преступлением. Народы не должны допустить, чтобы их демократические правительства вступили в возможный мировой конфликт без ясной политической программы, без четко выработанных планов, без согласованной программы действий. Между тем, там и сям, иногда в очень высоких учреждениях, замечается отрыжка времен 2-ой мировой войны: «дайте сначала выиграть войну, а потом мы посмотрим». К сожалению, такие голоса раздаются не только в США, но даже в Англии. Стремление «сначала» разбить военную мощь СССР заслоняет перед этими горе-политиками крайне важные политические перспективы. Так, английский генерал Фуллер, поверивший бандеровским росказням, что в России 100 миллионов «националов» готовы хоть завтар поднять восстание против 100 миллионов великороссов, зовет на этот путь не только Англию, но и США, не пытаясь даже и подумать о том, что получится в результате осуществления его фантастического плана военными методами. Ему и в голову не приходит, что Восточная Европа, а вместе с тем и вся Европа окажутся в состоянии, которое будет экономически и политически еще гораздо более катастрофическим, чем все то, что пережил мир по окончании второй мировой войны в Европе и Азии.

В будущем мировом конфликте, — если он наступит, — не должно быть деления на «вначале» и «потом».

«Потом» — обыкновенно является прямым и логическим последствием «начала». Нельзя военно-техническое отделять от политического. Все эти фазы и стороны мировой стратегии демократии должны быть увязаны в одно продуманное целое, тщательно и со знанием дела разработанное, — иначе даже победа приведет к новой катастрофе. Демократиям нужен план, — на случай возможной войны.

М. ХИНОЙ

«ПУШКИ» И «МАСЛО» В США

Геринг в свое время пустил в оборот фразу, которая застряла в памяти народов: застывшая кровь миллионов ее вклеила в историю мира. Готовя Германию Гитлера к нападению на мирные народы, Геринг заявил, что в эпоху вооружений нельзя и лить пушки и иметь достаточно масла на столе.

Сейчас, в эпоху надвигающейся опасности третьей мировой войны, герингговская фраза приобретает особую актуальность. Но мы здесь, в США, можем сказать, что для нас, по крайней мере, нет необходимости выбирать между пушками или маслом. США в состоянии производить достаточно пушек, не отнимая масла от наших детей. И это нужно помнить всем тем, кто, по ту сторону железного занавеса, строит свои планы на экономическом истощении США.

ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО США

В своей нашумевшей беседе с журналистами Белого Дома главный директор военно-промышленной мобилизации США Чарльз Вильсон заявил, что в США нет конфликта между продолжающимся почти на прежнем уровне производством предметов потребления для гражданского населения и нуждами военной промышленности, шагающей вперед семимильными шагами.

Последняя «производит сейчас в три раза больше, чем год тому назад», заявил Вильсон. «Военная продукция непрестанно растет, она увеличивается, в ценностном выражении, каждый месяц примерно на миллиард долларов».

До коммунистического нападения на Корею страна тратила на военные материалы около 500 миллионов в месяц, а теперь ассигновки на эту же цель достигают 1.500 миллионов долларов в месяц. Через несколько месяцев эти расходы дойдут до 2.500 миллионов в месяц, а через год они составят **еженедельно** миллиард долларов.

Правда, Вильсон при этом оговорился, что в опубликованных отчетах о «выпущенных» за последнее время самолетах, танках, «направляемых снарядах» и электронных механизмах гигантский фактически рост военного производства не всегда находит должное отражение, хотя бы уже потому, что в теперешней начальной стадии промышленной мобилизации приходится одновременно с производством военного оружия инвестировать громадные средства на сооружение новых и реорганизацию старых заводов и в постройку большого количества сложнейших машин-орудий, без которых изготовление новейших военных механизмов совершенно невозможно. К тому же, ряд более чем на 90% готовых машин не мог быть «принят» военным ведомством потому, что в них не хватало какой-либо новой, усовершенствованной детали.

Этими своими заявлениями глава американской промышленной мобилизации как бы ответил тем 9 критикам из сенатской подкомиссии по вооружению, которые выступили некоторое время тому назад (1 декабря) с сенсационными обвинениями в том, что производство военных материалов отстает от намеченной программы, и что вина за этот прорыв падает на правительство, которое-де даже в теперешний критический момент недостаточно энергично поддерживает приоритет «пушек» над «маслом», — военного производства над производством продуктов для нужд гражданского населения.

Легко себе представить впечатление, вызванное такого рода заявлениями 9-ти сенаторов. Тем более, что в этом случае нельзя было успокоить себя указанием на то, что республиканцы в погоне за голосами на будущих выборах демагогически раздувают временную заминку и делают из мухи слона. Заявление было принято комиссией единогласно, и за него голосовали не только все 4 республиканских сенатора, но и 5 демократических.

Повидимому, этим и объясняется, почему обычно молчаливый Чарльз Вильсон поспешил, после совещания с президентом, выступить с публичным опровержением «необоснованных обвинений».

Ответ Вильсона, подкрепленный выступлениями других руководителей национальной обороны, несколько успокоил встревоженное общественное мнение. Тем более, что, как потом выяснилось, сенатская подкомиссия построила свою критику на устарелых данных, — на цифрах 30 июня 1951 года (заметим мимоходом, что даже тогда тяжелая промышленность выполнила намеченный план на 73-74%). Это не мешает, однако, людям осведомленным считать, что, каковы бы ни были узко-фракционные и узко-классовые мотивы «патриотических сенаторов», в их заявлении все же содержится значительная доля истины.

Дело в том, что основная установка «генеральной линии» труменовской администрации требует, чтобы темпы вооружения США и ее союзников не вели к понижению жизненного уровня мирного населения, т. е. не приводили к уменьшению потребления трудящихся и не навязывали им «аскетизма».

Так дело обстояло до Кореи. Таким оно остается и теперь. Реакционные поправки Конгресса к законам о плановом контроле над производством и распределением продуктов и вызванный этими «поправками» рост цен сельскохозяйственных и некоторых других продуктов лишь осложнили положение. В основном же картина не изменилась. В состязании между «пушками» и «маслом» перевес пока не на стороне «пушек».

Этим я, разумеется, не хочу сказать, что темп роста «гражданской» промышленности равен темпу роста военной промышленности или даже превышает его. Об этом не может быть и речи. Военно-промышленная мобилизация США и союзников поглощает все больше и больше миллиардов, покрытие которых вызывает все большее и большее увеличение налогового бремени.

Как я уже сказал, эта мобилизация вызвала строительство ряда новых предприятий или перестройку старых применительно к нуждам обороны. Что эта реорганизация дает результаты, можно видеть на примере машиностроительной промышленности. Ее производственный индекс был 262 (по сравнению со средним производством за годы 1929-1935, принятым за 100). Шесть месяцев спустя, в декабре 1950 г. индекс уже равнялся 321. То же произошло с индексом химической промышленности, поднявшимся с 261 пункта в июне до 283 — в декабре. Все заставляет думать, что программа национальной и интернациональной обороны, поглощавшая 6% национального дохода во втором квартале 1950 года, поглотит не меньше 15% в последней четверти этого года, — и еще гораздо более значительный процент в наступающем 1952 году.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ МАСС

И если, несмотря на это, мы все же позволили себе утверждать, что в состязании между «пушками» и «маслом» перевес пока не на стороне «пушек», то этим мы хотели лишь сказать, что все имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят за то, что «холодной войне» еще не удалось понизить жизненный уровень масс, не удалось даже остановить дальнейший рост доли трудящихся в колоссально выросшем национальном доходе страны.

Возьмем, напр., душевое потребление продуктов так называемой легкой промышленности. Достаточно напомнить, что по сравнению с 1940 г., накануне вступления Америки во вторую мировую войну, потребление этих продуктов было приблизительно на 20% выше в первой половине 1951 года, и оно еще выше в декабре 1951 г., когда мы пишем эти строки.

Из последнего полугодового отчета президента Трумана мы узнаем, что если измерять потребление населения в «твердых долларах», то-есть долларах, исчисленных на базе официального индекса цен первой половины 1951 года, то прогресс оказывается еще более поразительным.

Если мы разделим население Америки на пять равных по численности групп (по 20% семей в каждой группе), то окажется, что семьи с наименьшим средним доходом (791 долл. в 1941 году) повысили свой реальный заработок к июлю 1951 года на 48 процентов.

Мы узнаем, что чистый доход (после уплаты налогов) второй группы со средним годовым доходом в 1960 долларов в 1941 г. поднялся за эти десять лет почти на столько же: на 47% (речь идет опять-таки о **реальном** заработке).

Доходы третьей группы, со средним доходом в 3.187 долл (в 1941 г.), возросли за эти десять лет на 36%.

Доходы четвертой группы (со средним доходом в 4.514 долл. в 1941 г.) поднялись на 30% и составляют сейчас 5.882 доллара.

А чистые доходы наиболее богатой группы, составляющей, как и предудыщие, одну пятую часть всех семей, поднялись за эти десять лет на 19%: с 9.968 долл. в 1941 г. до 11.681 в 1951 г. *).

*) Заметим, кстати, что как раз эта группа, обнимающая все так называемые "средние" и высшие классы, вплоть до миллионеров, меньше всех других выиграла от растущего благосостояния страны. Прирост ее чистого дохода равняется 19%. Из этого, однако, отнюдь не следует, что миллионеры, зачисленные в пятую группу, находятся в бедственном положении. Их число и сумма их капиталов сильно выросли за эти годы. Они выросли вопреки всем усилиям правительства и рабочих отнять у них значительную долю их прибылей путем прогрессивно-подоходного налога, доходящего в высших категориях до 80 или даже 90 процентов их доходов. Капиталисты и их адвокаты очень изобретательны по части всяких уловок и ухищрений для обхода законов.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ

Но вернемся к анализу жизненного уровня масс в США. Большую роль в этом вопросе играет жилищная проблема. За годы войны (1941-1945) из-за недостатка железа, стали, дерева и других материалов сильно сократилось жилищное строительство в городах. Пришлось сократить количество новостроющихся квартир до 300.000 в год. В результате оказались заняты не только все без исключения пустовавшие «резервные» квартиры, по тем или иным причинам не сдаваемые (а их в США было обычно около 10% всех городских квартир), но и уже занятые квартиры были «уплотнены», обычно путем разделения больших квартир на две маленькие, или же путем сдачи комнат жильцам. «Перенаселение» в городах приняло особо большие размеры по окончании войны, когда в спешном порядке были демобилизованы 12 миллионов военнослужащих, из которых многие немедленно обзавелись своими семьями и нуждались в собственных квартирах.

И вот мы в 1946 году пережили небывалое явление. Из каждой тысячи городских семей целых 86 жили вместе с другой семьей в одной квартире или в одном односемейном доме. За истекшие пять лет население страны увеличилось на 9-10 миллионов. Тем не менее, постройка новых жилищ для городского населения достигла такого размаха, что уже в 1950 г. только 56 семей (из тысячи) жили «уплотненными». Это стало возможным только потому, что постройка новых жилищ для гражданского населения превысила в повоенные годы миллион в год. В интересах обороны это строительство теперь несколько ограничено и составило в истекшем году 800-900 тысяч.

КОМФОРТ И УДОБСТВА

Официальная статистика показывает, что накануне войны в Америке с ее населением в 131 миллион было 31 миллион частных автомобилей — по одной машине на каждые 4,8 человека. Теперь, при населении возросшем на 21-22 миллиона, количество зарегистрированных машин превышает 45-46 миллионов (одна машина на каждые 37 человек).

В январе 1951 года у 26 миллионов семей были в их квартирах собственные автоматические электрические машины для стирки белья. В 1939 г. только 13 с половиной миллионов жилищ были снабжены этими дорогостоющими машинами.

Количество же квартир с электрическими холодильниками увеличилось почти втрое, — сообщает упомянутый доклад и прибавляет: в большинстве всех жилищ во всей стране находится по крайней мере по одному ра-

дио-аппарату, а в почти 25% всех квартир имеется также и по аппарату телевидения.

Так как все эти машины для личного пользования и личного комфорта стоят часто довольно дорого, то это иллюстрирует до известной степени непрекращающийся рост жизненного уровня населения и рост его потребностей. Три года тому назад число наемных рабочих, имеющих собственный аппарат телевидения, можно было сосчитать по пальцам, а теперь ими хоть пруд пруди.

А ведь перечисленными предметами роскоши или удобства список далеко не исчерпан. К ним нужно прибавить еще такие дорого-стоющие предметы домашнего обихода, как электрические пылесосы, электрические швейные машины, портативные радио-аппараты, фотокамеры, домашние кино-аппараты, пишущие машинки, электрические кофейники или аппараты для поджаривания хлеба, телефоны, велосипеды для ребят, предметы спорта (гольф, футбольные мячи, бесбол, теннисные ракеты, механические удочки для ловли рыбы, лыжи, моторные лодки или прицепные моторы для лодок и десятки других предметов удобства, забавы или спорта, которых незачем здесь перечислять, но которые имеются в очень многих рабочих семьях. Приведем только еще несколько цифр, чтобы ярче иллюстрировать степень зажиточности американского рабочего и рост его уровня жизни, не взирая на все горячие и холодные войны.

Из каждых 100 американских семей у 78 есть сейчас электрические или газовые холодильники; у 62 — собственные автомобили; у 65 — собственные электрические стиральные машины.

Рабочее население их покупает, несмотря на их сравнительную дороговизну; покупает, несмотря на растущее бремя федеральных, штатных и городских налогов. И при этом как-то умудряется откладывать значительные суммы «про черный день». Американские рабочие и служащие это делают разными путями: одни покупают облигации государственных займов; другие увеличивают свои сбережения в сберегательных кассах или банках; третьи покупают акции; четвертые страхуют свои семьи на несколько тысяч долларов на случай болезни, старости или смерти.

Эти рабочие сбережения составляют по некоторым данным очень значительные суммы — несколько миллиардов в год.

ДОРОГОВИЗНА И ЗАРПЛАТА

Спросят, а как же примирить эту сравнительно розовую картину жизненного уровня американского рабочего с постоянными сообщениями о растущей дороговизне и инфляции? Неужто все это выдумано?

Нет, не выдумано. Во всяком случае, не все выдумано. Инфляции, какую мы видели во многих европейских странах, в США нет и быть не может. Но инфляционные тенденции действительно существуют. В 1950 году официальный индекс розничных цен на предметы потребления возрос на целых **10 пунктов.** Однако, с января 1951 года, когда правительство, вопреки оппозиции законодателей, подтянуло винты контроля на все товары, кроме сельскохозяйственных, индекс цен на все предметы потребления поднялся в среднем только на 2 пункта. За почти 2 года индекс увеличился с 174 до 186,5 (принимая за 100 цены пятилетия 1935-1939). Но и этот рост цен на 12,5 пунктов был с разрешения правительства и под давлением профсоюзов компенсирован для огромного большинства наемных рабочих повышением их почасовой, поденной или понедельной зарплаты.

ЗАРАБОТКИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

Профсоюз рабочих железоделательной промышленности, число членов которого превышает 1.000.000, добился уже в начале 1950 года повышения зарплаты на 16 центов в час. А еще более крупный профсоюзный гигант (автомобильных рабочих) получил прибавку в 20 центов в час, с автоматической прибавкой в 4 цента каждые 3 месяца, — даже если индекс цен не изменится. Третий профсоюзный гигант — углекопов — получил еще более высокую прибавку, составляющую 38 центов в час (20 + 18). Все три требуют сейчас новой значительной прибавки и, вероятно, без особого труда ее получили бы, если бы они не настаивали на том, чтобы вся прибавка шла из прибылей предпринимателей и не вела к повышению замороженных цен на продукты — уголь железо, автомобили.

Однако, рост зарплаты хуже организованных групп рабочих несколько отстал от общего роста дороговизны и стал его догонять только теперь, благодаря увеличившемуся спросу на труд и сильному уменьшению «резервной» армии труда. Последняя составляет сейчас вместе с сезонными безработными около 2 миллионов. А это при общем числе наемных рабочих в 64 миллиона, цифра недостаточно большая, чтобы влиять на рабочий рынок. Тем более, что госстрахование от безработицы гарантирует безработным пособие, достигающее в некоторых штатах 25-26 долларов в неделю в первые 26 недель безработицы.

Выше мы указали, что индекс цен поднялся на небывалую раньше высоту — 186,5. Надо, однако, подчеркнуть, что это **средний** индекс цен. Имеются большие отклонения и вниз и вверх. Квартирная плата, например, поднялась очень мало — 130 пунктов сейчас, вместо «100» в 1935-39 г. г. Цены же на пищу и сельскохозяйственные продукты более чем удвоились — 226,3 сейчас, вместо 100 в 1939 г.

К счастью, культурный и технологический прогресс Соединенных Штатов достиг уже такого уровня, что расходы на съестные продукты играют в бюджете рабочего сравнительно второстепенную роль. В таком большом рабочем и промышленном центре, как Детройт, «население истратило в прошлом году больше денег на автомобили, чем на пищу. На автомобили оно израсходовало 557 миллионов долларов, а на пищу для себя и своих семей только 484 миллиона». (Сообщение «Юнайтед Пресс» от 3 декабря).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За 16 месяцев, прошедших с начала коммунистического нападения на Корею, американский Конгресс ассигновал огромные суммы на усиление военно-морских и сухопутных сил антикоммунистического фронта. Суммы эти рассчитаны на несколько лет и составляют в общей сложности 109.663 миллиона долларов. Эта сум-

ма очень внушительна даже для США, национальный доход которых увеличился в этом году на 23 миллиарда и достигает 250 миллиардов долларов в год. И хотя «доля» наемных рабочих в общенародном доходе сравнительно велика — 175 миллиардов, по последним вычислениям Центрального Статистического Бюро — налоговое время, вызванное ростом вооружения, падает тяжелым бременем на американские массы.

Платежеспособная часть населения отдает уже теперь федеральному правительству почти четверть свого чистого заработка. Значительная часть этой четверти идет на экономическую (по плану Маршалла) и военную (по Северно-Атлантическому Союзу) помощь западно-европейским и азиатским странам. Тем не менее, американские налогоплательщики эти расходы одобряют, в том числе и американские профсоюзы всех направлений (кроме ничтожной группы сталинцев).

Может быть, настроение американских масс изменилось бы, если бы продолжение этой политики привело к тяжелым лишениям, сильному падению уровня жизни или полуголодному существованию. В конце концов, все — люди, все — человеки.

Но ничего подобного нет и в помине. Изумительная экономическая мощь страны и колоссальная сила рабочих союзов дают Америке возможность выдержать суровое испытание и справиться с трудной задачей: построить гигантское количество «пушек» для себя и двух десятков других народов во всем свете, и в то же время сохранить для своих масс совершенно достаточное количество «масла».

С. ШВАРЦ

ПОСЛЕ ВИСБАДЕНА

(К НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ)

1.

На состоявшемся в Висбадене в начале ноября совещании представителей пяти российских организаций и шести так называемых национальных организаций, т. е. организаций, представляющих меньшинственные национальности Советского Союза, была принята по национальному вопросу несколько неопределенная формула. Из официального сообщения, выпущенного от имени всех одиннадцати организаций, мы узнали, что «особое внимание было уделено совещанием национальной проблеме. Участники совещания признали, что все народы имеют безусловное право на самоопределение, безусловное право самим, путем демократического волеизъявления решить свою судьбу». Признание за «всеми народами» «безусловного права самим решать свою судьбу», это, конечно, признание «права на самоопределение, вплоть до отделения». Но что значит «путем демократического волеизъявления»? Означают ли эти слова плебисцит («всенародное голосование», как это было формулировано в августе на совещании пяти российских организаций в Штутгарте), или здесь не случайно принят новый термин?

Краткий отчет о совещании, напечатанный во втором номере «Освобождения», несколько дополняет приведенное выше сообщение. Оказывается, представители шести национальных организаций предложили на совещании внести в первоначальный текст политической платформы, намечаемой для будущего общего органа, новую формулу. В проекте этой платформы, принятом совещанием пяти российских организаций в Штутгарте, пункт по национальному вопросу был формулирован так:

> "Признание равноправия всех народов России. Признание за ними права свободно, на основе всенародного голосования определить свою судьбу, а также реальное обеспечение этого права".

В Висбадене шесть национальных организаций предложили заменить этот текст следующим:

> "Исходя из принципа национального самоопределения, мы... признаем за народами, населяющими теперешнюю территорию Советского Союза, безусловное право свободно, на основе демократического волеизъявления — либо путем плебисцита, либо решениями Национальных Учредительных Собраний, либо через Всероссийское Учредительное Собрание — определить свою судьбу, а также реальное обеспечение этого права на самоопределение".

«Все делегации российских политических организаций единодушно приняли эту формулировку», читаем мы в отчете о совещании.

Между организациями, представители которых собрались в Висбадене, существовали очень значительные разногласия по национальному вопросу. Принятая в Висбадене формула является попыткой столковаться на каком-то компромисее. В чем его сущность?

Все пять представителей российских организаций приняли принцип **безусловного** права на **национальное самоопределение,** т. е., значит, **и права на отделение.** Из российских организаций только Лига борьбы за народную свободу и СБОНР с самого начала отстаивали эти положения. Принципиально близки они и Народному движению (группе Керенского). Но за последние месяцы признанием этих положений как будто связали себя и недавно еще отвергавшие их НТС и группа Мельгунова, и в Висбадене это было подтверждено в категорической форме. (Правда, с одной существенной оговоркой, о которой речь будет ниже). Тот факт, что обе эти группы подписались под «безусловным» признанием права на национальное самоопределение, не означает, к сожалению, что они внутренно порвали со своей прежней, враждебной этому принципу концепцией. Достаточно присмотреться к их текущей литературе, чтобы убедиться, что для обеих групп это лишь тягостный компромисс, от которого они рады были бы отказаться. Но это не так просто, и ничто уже не может помешать тому, чтобы висбаденские решения явились фактором, облегчающим кристаллизацию российского общественного мнения в эмиграции вокруг последовательно демократической программы разрешения национального вопроса.

С другой стороны, и национальные организации отступили от своей непримиримой позиции. До недавнего

времени подавляющее большинство их отстаивало ту точку зрения, что их национальное самоопределение уже состоялось. При крушении коммунистической диктатуры в Советском Союзе пред ними поэтому даже не встанет вопрос, отделяться или не отделяться. Они отделились еще тридцать слишком лет назад, и это отделение нужно будет лишь реализовать. О плебисците может речь возникнуть разве лишь в будущем, **если** встанет вопрос уже не об **отделении** от Российской (или как она будет называться) федерации, а о **присоединении к ней.**

Решения, принятыя в Висбадене, означают для национальных организаций, подписавших их, отказ от этой непримиримости. За «народами, населяющими теперешнюю территорию Советского Союза», признается безусловное право определить свою судьбу. **Тем самым самоопределение переносится в будущее,** что подчеркивается и указанием на те пути, которыми должно быть осуществлено это право: «либо путем плебисцита, либо решениями Национальных Учредительных Собраний, либо через Всероссийское Учредительное Собрание». Если даже, несколько насилуя грамматику, попытаться отнести эти требования к прошлому, окажется, что в какой-то степени удовлетворяет им разве лишь Грузия и, может быть, Азербайджан (и, конечно, балтийские республики, но их самостоятельность для российской демократии вне спора, и к ним все сказанное выше не относится). Является ли прочным этот поворот в политических настроениях национальных организаций, которые были представлены в Висбадене, сказать пока трудно. Но висбаденские решения во всяком случае должны несколько разрядить атмосферу в среде «национальных» эмиграций и облегчить в этой среде борьбу за решение национального вопроса методами, о которых есть полная возможность достигнуть соглашения со сторонниками последовательно демократической политики в среде российской общественности.

2.

Было бы иллюзией считать, что такое соглашение уже достигнуто. Достигнуто в Висбадене лишь **принципиальное** соглашение о необходимости обеспечения «народам, населяющим теперешнюю территорию Советского Союза» (и эта формула не случайна и свидетельствует об отсутствии соглашения о возможном будущем названии российского государства), права на самоопределение путем «демократического волеизъявления». Но уже по поводу того, как должно быть осуществлено это волеизъявление, мнения разошлись: демократическое волеизъявление подлежит осуществлению «либо путем плебисцита, либо решениями Национальных Учредительных Собраний, либо через Всероссийское Учредительное Собрание». Если первые две возможности только практически противостоят друг другу и не противоречат принципу национального самоопределения, то с третьей возможностью вопрос стоит уже значительно труднее: как это национальное **само**определение армян или украинцев, белоруссов, азербейджанцев или грузин и т. д. осуществится «через Всероссийское Учредительное Собрание»? Не означает ли это отказа этим национальностям в праве «самим решить свою судьбу»? Но ведь эта формула была предложена самими национальными организациями. Или, может быть, ударение они ставили на слове «через»: самоопределение меньшинственных национальностей осуществляется **не «решениями»** Всероссийского Учредительного Собрания, как оно может быть осуществлено «решениями Национальных Учредительных Собраний», а лишь **«через** Всероссийское Учредительное Собрание»? Т. е. и здесь вопрос решают лишь представители самоопределяющихся национальных территорий, но решают его после переговоров с представителями других частей «теперешней территории Советского Союза»?

Это только одна из возможных гипотез. И, например, для группы Мельгунова, до самого последнего времени решительно отстаивающей мысль, что национальный вопрос может быть разрешен в будущей России только Всероссийским Учредительным Собранием, это толкование, вероятно, неприемлемо, и группа эта вкладывает в висбаденскую формулу иное содержание. Возможно, что и остальные группы, каждая по-своему, толкуют эту формулу.

До полного соглашения еще очень далеко. Но создана по крайней мере почва для дальнейших переговоров на основе принятого всеми участвовавшими в совещании группами принципа национального самоопределения. Если это не сорвется, в чем сейчас еще нет уверенности, это уже само по себе будет иметь большое значение: год назад самая мысль о возможности такого рода переговоров между российскими и национальными организациями в эмиграции казалась утопической.

3.

Висбаденская формула о порядке разрешения национального вопроса явно носит эклектический характер. Каждому по его вкусу: «через Всероссийское Учредительное Собрание» (все же «Всероссийское», а не злосчастной «теперешней территории») — это для группы Мельгунова и, может быть, для НТС; плебисцит — это для Лиги и СБОНР-а; решения Национальных Учредительных Собраний — это для национальных организаций.

Казалось, следовало бы ожидать, что принимая необходимость «демократического волеизъявления», как формы национального самоопределения, именно национальные организации выступят с требованием плебисцита. Но этого не случилось. Больше того: кажется, ни с чьей стороны идея плебисцита не вызывает такой настороженности — и притом недружелюбной настороженности, — как со стороны многих национальных организаций. И вокруг вопроса о плебисците ведутся сейчас, может быть, наиболее страстные споры. Споры эти окажут, вероятно, значительное влияние и на дальнейшее развитие политической акции, последним этапом которой явилось Висбаденское совещание, и уже по этому одному на них стоит здесь остановиться.

Я не буду сейчас пытаться анализировать психологические корни резко отрицательного отношения многих национальных организаций к идее плебисцита. Но мне хотелось бы устранить недоразумения, которые мешают плодотворному обсуждению этого вопроса и затрудняют достижение взаимного понимания между демократическими элементами российской и национальных эмиграций.

В статье моей «К национальному вопросу в России» в № 6-7 «Социалистического Вестника» я остановился

на некоторых основных чертах плебисцита, как метода решения национального вопроса. Плебисцит есть форма национального самоопределения, но участвуют в нем не все члены данной национальности, а лишь те, кто живет на национальной территории. Это значит, что не участвуют в плебисците те члены данной национальности, которые не живут на национальной территории. Или конкретно: в плебисците, который, например, должен определить судьбу Украины, не должны и не могут участвовать украинцы, живущие в Москве или на Амуре, точно так же, как в этом плебисците не могут участвовать украинцы, эмигрировавшие в Соединенные Штаты или в Южную Америку. И, с другой стороны, в плебисците, который должен определить судьбу данной территории, участвует все взрослое население этой территории, а не только члены национальности, составляющей на данной территории большинство. Словом, **национальное самоопределение осуществляется на национальной территории, но участие в плебисците определяется по территориальному, а не по национальному признаку.**

С этим, оставаясь последовательным, можно спорить, лишь противопоставляя этой концепции одну из двух концепций:

1) Теоретически можно представить себе разрешение национального вопроса не на территориальной основе, а, как это не совсем удачно формулируется в специальной литературе, **на основе национально-персональной автономии:** все национальности в многонациональном государстве конституируются в автономные национальные союзы, вся совокупность которых и составляет многонациональное государство. Эта теоретическая концепция в своей законченной форме настолько далека от действительности, что никто ее сейчас не отстаивает. И, конечно, меньше всего она приемлема для тех, кто мечтает об «отделении»: отделяться может только определенная территория, но не национальность вне территории.

2) но если оставаться на почве территориального принципа, можно только в одном случае принципиально возражать против выдвинутого выше положения о привлечении к плебисциту на национальной территории всего населения данной территории, а не только ее национального большинства: *) если принять **принцип национальной однородности** (моно-национальности) для образования новых государств, — принцип выселения не-украинцев за пределы Украины и переселения на Украину украинцев, живущих сейчас в других частях «теперешней территории Советского Союза». Это и есть **трансфер населения.** Едва ли сейчас найдется много охотников отстаивать эту идею. И во всяком случае, решение о трансфере населения не может быть вынесено в порядке национального самоопределения: такой трансфер может быть реализован лишь на основе соглашения между осуществляющими его государствами или на основе решения какого-либо над-государственного органа. Все это сейчас, к счастью, вне реальной перспективы.

Замечания мои — в упомянутой выше статье — о нежелательности трансфера и о необходимости привлечения к участию в плебисците всего взрослого населения самоопределяющейся национальной территории вызвали много враждебных откликов в печати. «Если перевести эти положения (т. е. защищаемые мною положения. — С. Ш.) на язык житейской прозы тяжелого лихолетия, порожденного советским господством», писал недавно один взволнованный автор, «то это значит, что пришлое «в итоге безобразий большевистской политики» население принимает участие в решении судеб Украины, а коренное население, загнанное на Колыму или вынужденное бежать Бог весть куда, будет лишено права решать судьбы своей родины». Аргументация эта, повторяемая, кстати, почти во всех полемических высказываниях по этому вопросу, основана частью на недоразумении: на непонимании сущности трансфера населения и на предположении, будто отрицательное отношение к трансферу означает по отношению к тем, кто был выслан из национальной территории и загнан в чорту на кулички, отказ в праве вернуться на родину. Это, конечно, не так. Само собой понятно, что «коренному населению (Украины), загнанному на Колыму» (и не только на Колыму), должны быть предоставлены право и возможность вернуться на Украину и принять участие в «решении судьбы своей родины». Но, конечно, те, кто не вернутся, а предпочтут остаться на новых местах, в голосовании о судьбе украинской территории участвовать не могут. И то же соответственно относится и к «пришлому населению», исчисляемому — на Украине и в других частях «теперешней территории Советского Союза» — многими миллионами: кто захочет уехать — уедет; но кто захочет и дальше жить на территории, на которую загнала его судьба то ли «в итоге безобразий большевистской политики», то ли по другим причинам, не должен быть здесь гражданином второго разряда. Возражения против этого носят уже гораздо менее «невинный» характер, чем возражения о трансфере. Тут дело уже не в недоразумении, а в глубоком принципиальном отступлении от начал демократической политики. Действительно, только этого и не хватало, чтобы после крушения большевистской диктатуры началась политика «национальной дискриминации» по отношению к миллионам «пришлого населения».

Этим, конечно, проблема плебисцита не исчерпывается. Как обеспечить авторитетность плебисцита и бесспорность достигнутого путем плебисцита решения? Как обеспечить возможность возвращения до плебисцита сотен тысяч и, может быть, миллионов оторванных от родной почвы? Или, может быть, как обеспечить участие в плебисците желающих вернуться, но по причинам от них не зависящим неимеющих возможности своевременно осуществить это желание? И в связи с этим, когда организовать плебисцит? Кому и как решать все эти вопросы? Обо всем этом и о многом другом еще нужно будет, вероятно, спорить, по всем этим вопросам нужно будет пытаться достичь разумного компромисса. И тогда выяснится, можно ли и как сочетать плебисцит с привлечением к решению встающих в связи с плебисцитом вопросов Национальных Учредительных Собраний и даже Всероссийского Учредительного Собрания. Только поменьше бы полемического задора, побольше сосредоточенной спокойной мысли, верности принципам демократизма и — это, может быть, сейчас самое важное — верности идее межнационального мира.

*) О привлечении к плебисциту членов данной национальности, живущей вне национальной территории, никто, кажется, всерьез не думает.

П. БЕРЛИН

ГРАНИЦЫ ТОТАЛИТАРИЗМА

Имеет ли тоталитаризм границы? Не заключается ли его особенная стать в том, что нет у него границ, или, вернее, что границами для него является стопроцентное завершение, замкнутый круг его достижений? И в связи с этим возникает вопрос, имеющий огромное, животрепещущее значение: может ли тоталитаризм достигнуть этого полного завершения, убить не только на деле и не только словом, но даже помыслом, возможность покушения на неприкосновенность тоталитаризма, не только в сознании, но и в подсознании считать возможной и повелительной хулу на него?

Опыт Гитлера, Муссолини и, конечно, прежде всего опыт Ленина-Сталина дает материал для ответа, с которым связана вся будущность человечества. Тоталитаризм уже сейчас охватил и на Западе, и на Востоке огромные людские массы, и его прилив продолжается. Если это не утопия большевизма, что, взяв в железо людскую массу, можно вытравить, умертвить у нее в самом зародыше всякую мысль о сопротивлении, если самое представление об иной, не тоталитарной жизни станет невозможным, невообразимым и непонятным, то тогда останется лишь на фронте надвигающегося большевизма повторить слова Данте при входе в ад: «Смертный, покинь всякую надежду».

Поэтому вопрос о том, поставлены ли границы власти тоталитаризма над человеческою мыслью и возможно ли зарождение внутри самого свирепого и торжествующего тоталитаризма свободного сознания и свободных мыслей, представляет не академический, а животрепещущий интерес. Это вопрос о судьбах человечества. Начну с исторического далека — с, так сказать, тоталитаризма крепостнического времени. Когда сложился, завершился крепостной строй, когда, казалось, не будет ему конца, и он продолжал расширяться и укрепляться, русское крепостное крестьянство было плотно охвачено обстановкою и атмосферою прославления крепостного строя, его же не прейдеши. Царь, помещики, духовенство неустанно учили крестьян, что крепостной строй им ниспослан, и всякий протест против него, даже в самых коленопреклоненных формах, карался с невероятной жестокостью и царским начальством, и помещиками. Ниоткуда и ниоткого русское крестьянство семнадцатого века не слышало слова осуждения этого строя. Его только прославляли и благословляли, как незыблемый и неотвратимый. Крестьянство той поры было поголовно безграмотным. Никакой пропаганды среди него не велось, поколение за поколением вырастало в крепостном тоталитаризме и извне неоткуда было придти никакой идее о самой возможности иного строя. Полное закрепощение завинчивалось все круче, и всякое выражение недовольства каралось страшными пытками и смертной казнью.

И тем не менее, уже в 1606 году вспыхивает, охватив большую и пеструю массу, восстание Болотникова, дошедшее к самой Москве и ее обложившее. А мелкие крестьянские бунты, сжигание помещичьих имений, убийство помещиков и их управителей не прекращаются на всем протяжении долгого существования крепостного права. Такие же бунты, Разинский и Пугачевский, показывают, что огонь действенного недовольства никогда не потухал в душах закрепощенного крестьянства, и что крепостной строй, охвативший всю крестьянскую жизнь, его душу и тело, превративший его в крещенную и сеокомую собственность помещиков, все же не мог воспрепятствовать и зарождению, и развитию, и самому бунту, казалось бы, бессильного крестьянина со всесильною помещичьею и царскою силою и властью. Это служит выразительным ответом на модные в иных иностранных кругах толки о прирожденной рабской подчиненности русского крестьянина, который на протяжении своей страдальческой истории отдал несравненно большее число жизней в борьбе с помещичьим и большевистским крепостничеством, чем крестьянство любой другой страны. Но меня этот крестьянский пример интересует сейчас с иной стороны: он показывает, что даже при полном завершении тоталитаризма, при самых жестоких путях его внедрения, он не в состоянии умертвить чувство ненависти к нему даже в головах поголовно безграмотного в эпоху раннего крепостничества крестьянства. Пугачев не умел подписать своего имени. Был человеком темным, но его «воровские» письма находили дорогу в душу крестьянства и вызывали наружу постоянно тлеющую ненависть к крепостному праву.

Переходя от крепостного крестьянства семнадцатого века к закрепощенному советами крестьянству, мы видим, что и весь путь торжества большевизма от Украины до Арктики густо усеян трупами погибших в борьбе крестьян, оказавших большевизму большее сопротивление, чем все покоренные им страны вместе взятые.

От этой крепостной иллюстрации несгибаемой сопротивляемости человека окончательному его обезличению при тоталитарном строе обратимся к нынешней советской практике превращения человека в робота, не могущего просто вообразить иной строй помимо тоталитарного. Прежде всего, если вековое крепостное право при полном обезличении и бесправии крестьянина не могло убить не только мечты об избавлении, но и постоянные бунты, кроваво подавляемые, то, конечно же, тридцатилетнее советское крепостное иго не заставило крестьянина забыть о свободной жизни и гореть ненавистью к крепостному государству. Любовь крестьянина к клочку приусадебной земли, вложение огромного и плодотворного труда в это карликовое хозяйство показывают, что советский крестьянин не утратил любви к самостоятельному хозяйству, и в нем прочно живет память о живительных годах НЭП-а.

Сейчас распространено мнение, что наш век отличается равнодушием народной массы к политической свободе. Н. Бердяев и его сторонники постоянно повторяли, что относительная правда большевизма заключается в том, что он понял, что пафос народных масс перенесся с политической свободы на экономическую реальную обеспеченность. Не стану говорить о том, что как раз в большевистских странах существует лишь формальная сытость и реальное рабство. Меня этот вопрос интересует в связи с той чрезвычайно поучительной метаморфозой, которую он испытал при тоталитарном строе в советской России.

В эпоху старого крепостничества русские крестьяне

повторяли фразу: «Мы — ваши, а земля наша». Герцен видел в этой фразе готовность крестьян отказаться от личной свободы во имя земли. Эти крестьянские настроения чрезвычайно медленно изменялись. Г. Успенский пишет свои знаменитые очерки о «власти земли» над всеми мыслями и помыслами крестьянства, равнодушного к политической свободе. Крестьянин как бы был прирожденным примитивным экономическим материалистом. Вопросы политической свободы не волновали его. Как же обстоит дело в советской России после прохождения народа через тридцатилетний строй большевизма?

И при ответе на этот вопрос мы неожиданно сталкиваемся с явлением, что как раз в тоталитарном государстве и именно благодаря этой тоталитарности политическая свобода выдвигается на первый план, как основа всех основ и в вопросах земли, и в вопросах хлеба. Вряд ли на всем протяжении русской истории был момент, когда бы сознание необходимости политической свободы, как условия, как предпосылки для решения всех вопросов, получило такое осязательное значение, как теперь. Политический гнет, кулак советской власти, зажавший всю страну, превратился как бы в тот гаршинский красный цветок, который надо сорвать, чтобы расцвела вся увядшая жизнь.

С политической свободой в тоталитарной России — и в этом рок тоталитаризма — произошел диалектический процесс, превративший в свою противоположность то, что Н. Бердяев и его сторонники выставляли как «относительную» правду большевизма — поглощение и умерщвление политики экономикой. На самом же деле как раз произошел процесс противоположный: молчащая, но живущая и укрепляющаяся политика в сознании населения вытеснила, заслонила экономику. Русский крестьянин стоит лицом к лицу, без всякого средостения, к политической власти, к коммунистической партии, к Политбюро, к Сталину. Уничтожились все промежуточные, заслоняющие социальные инстанции. Нет помещиков, буржуазии, купцов, кулаков. Крестьянин не только знает, но ежедневно и на базаре, и в церкви ощущает, что все качества — от политической власти. Он знает, ощущает, что если у него отбирают хлеб и все сельскохозяйственные продукты по крайне низким, не соответствующим рынку ценам, то это делает не помещик, не купец, не кулак, которые не существуют, а Сталин. Когда ему продают в тридорога фабричные продукты, он знает, что это делает не капиталист и не лавочник, а коммунистическая партия, Сталин. Когда его в колхозе превратили в полуголодного и закрепощенного батрака государства, он знает, что это не помещик, а Сталин.

И когда рабочего приковали как каторжника к тачке, к фабрике, подвергают его суровому преследованию за малейшее отклонение от каторжного законодательства, когда его делают бесправным и бессильным в борьбе за свои чисто профессиональные нужды, он знает, что это делает не фабрикант, не буржуй, а Сталин. Отсюда ясное и твердое сознание, что помочь может, путем исключенного третьего, только политическая борьба и победа. Она невозможна при тоталитарном строе? Конечно. Но сознание, что спасение только в политике, а не в подчиненной ей экономике, представляет факт народного сознания. О какой классовой борьбе может быть речь в Советской России, когда там и классов нет никаких, а есть лишь политическая власть, противостоящая народу. Конечно, в такой огромной, разнообразной по настроению и состоянию стране, как Россия, с множеством отсталого и запуганного населения, существуют народные группы, которые не сознают, что политика командует экономикой, или же которым удалось пристроиться к этой политике, но я говорю о тех, у которых проснулось политическое сознание. И это не меньшинство.

Если мы теперь от крестьян и рабочих обратимся к широкому и разрастающемуся во всех тоталитарных странах слою служащих, то и тут самая прямая и непосредственная зависимость от центральной политики познается ежедневно. Даже те из них, которые правдами и неправдами сумели создать себе кое-какое обеспеченное положение, отлично сознают, что все их убогое благосостояние висит на волоске, и каждый из них готов повторить слова из анекдота, когда советский человек на вопрос, как живется, отвечает: «Как живется? Каждый день рискуешь проснуться расстрелянным».

И в таком сознании живут и те, которые «пристроились».

В этом заключаются границы, рок тоталитаризма. Он может заставить страну молчать, заставить ее благословлять власть на словах, он может заказать населению все пути к политической борьбе и свержению власти, но он не может вытравить из молчащего сознания, что все зло, вся духовная и материальная нищета заключаются в политической власти, и все избавление — в свержении этой власти. Таков рок, такова исторически неизбежная обреченность тоталитаризма.

И еще в одном сказывается его рок. В самые глухие времена реакция все же не переходила в тоталитаризм, оставляла какие-то отдушины, и зачастую в эти-то отдушины устремлялось все свободное творчество народа и расцветало ярким цветом. Так было в Германии тридцатых годов девятнадцатого века, когда на ее небосклоне сразу зажглись и разгорелись самоцветные таланты во всех областях творчества. Это был золотой век немецкой философии, поэзии, музыки. Так было у нас в мрачное царствование Николая I-го, когда сразу творили величайшие русские титаны. Но это потому, что реакция не переходила в тоталитаризм, оставляла отдушины для творчества. При советском тоталитаризме все эти отдушины тщательно, герметически законопачены, и при всей своей талантливости, русский народ в области художественного творчества перестает цвести яркими, вечно живущими талантами. Ведь характерно, что даже те таланты, которых большевизм уже застал и которым он покровительствовал, скоро увяли. Застрелился Маяковский, которого так широко поощрял Сталин. Повесился Есенин. Сошел с ума Блок, написавший в начале революции свои «Двенадцать».

И невольно припоминаются жуткие, не забываемые и пророческие слова, которые сказал Блок незадолго до смерти в своей последней речи:

«Покой и воля. Но покою и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю, тайную

свободу. И поэт умирает потому, **что дышать ему уже нечем, жизнь потеряла смысл».** И он от этого и умер, а сначала надолго замолк.

Двадцать лет тому назад были сказаны эти слова талантливейшего поэта. С тех пор тоталитаризм еще сильнее прикрутил винты, и всякое творчество стало невозможным даже в тех узких пределах, в которых оно было возможно задыхавшемуся Блоку. Тоталитаризм может заставить, да и заставил, русские таланты славить Сталина, писать по последним правительственным указам, но заставить их не терять таланта, не превращаться в чиновников от литературы Сталин бессилен. А когда лучшие таланты страны, которых лично преследования не коснулись, говорят словами Блока, что «жизнь потеряла смысл», когда они стреляются и вешаются, то и это признак исторической обреченности режима и в этом неумолимый рок тоталитаризма. Но только история, как Бог, правду видит, да не скоро скажет.

Г. А. ТОКАЕВ

СОЗДАТЕЛИ МИГ-15

Советский реактивный истребитель МИГ-15 вызвал громовую сенсацию, но что известно Западу об его создателях? Кто они такие? Чем замечательны? Способны ли дать Сталину еще лучшие самолеты? Я согласился осветить эти вопросы, но при условии, что мои формулировки останутся без изменений *), так как дело идет о долголетних близких друзьях.

Самолетам СССР присваиваются сокращенные фамилии их главных конструкторов, — так, например, «Ту» есть сокращение от «Туполев», «Ил» — от «Ильюшин», «Як» — от «Яковлев», «ЛаГГ» — от «Лавочкин, Горбунов и Гудков», «Ла» — от «Лавочкин», «Пе» — от «Петляков», «Су» — от «Сухой», «Бе» от «Бериев», «Ша» — от «Шавров» и МИГ» — от «Микоян и Гуревич». К этим названиям через тире приписываются цифры, означающие порядковые номера выполненных конструкторскими бюро **проектов** самолетов, причем нечетные номера соответствуют истребителям, а четные — всем остальным. Таким образом, МИГ-15 надо расшифровывать так: проект самолета-истребителя номер пятнадцать, разработанный под руководством Микояна и Гуревича.

Нерусские народы СССР вышли на уровень советских достижений и дают много талантливых специалистов во всех областях науки и техники, но кремлевская олигархия лишь в редких случаях допускает их к занятию высших должностей. В области авиационного проектирования это исключение составляет Особое Конструкторское Бюро № 155 (ОКБ-155) Министерства Авиационной Промышленности, начальником которого является кавказский армянин Артем Иванович **Микоян,** а его ближайшими заместителями — кавказский еврей Михаил Иосифович **Гуревич** и украинец Николай Захарович **Матюк.**

ОКБ-155 находится в северо-западной оконечности Москвы, между Кремлем и водной станцией Химки, в глубине двора, огражденного от Ленинградского шоссе высоким досчатым забором и барачным зданием охранников. В красивом двухэтажном каменном здании разместились конструкторы, аэродинамики, мотористы, топливники, прочнисты, чертежники, представители МГБ и группа военной приемки Военно-Воздушных Сил СССР. Никаких внешних признаков того, что здесь работают над проектами самолетов марки МИГ. На втором этаже входите в небольшую комнатку и видите за столом, на котором два телефона и пишущая машинка, женщину средних лет: это — Евгения Михайловна, секретарша-машинистка Микояна и Гуревича. В противоположных стенах ее комнатки — обитые звукоизоляционным материалом двери: одна ведет в кабинет главного конструктора, вторая — в кабинет заместителя последнего.

Первый кабинет представляет собой квадратную комнату средних размеров со скромной, но аккуратной, чистой и удобной для работы обстановкой. У стены — небольшая книжная этажерка с томами «Руководства для конструкторов», Трудами ЦАГИ, Трудами Академии имени Жуковского, Техническими Заметками Бюро новой Техники, Экспресс-Информациями БНТ и курсами аэродинамики, динамики полетов, прочности, двигателей и пр. У левого угла, полуоборотом к окну, массивный дубовый стол, а за ним — генерал-майор инженерно-авиационной службы: это — главный конструктор и директор опытного завода при ОКБ-155, Артем Иванович Микоян. Перед ним — небольшая модель того самолета, над которым в тот момент работало ОКБ. Три телефонных аппарата: один — внутренний, второй — общегородской, а третий — для секретной кремлевской линии («кремлевская вертушка» или «кремлевский ВЧ»). Под стеклом постоянно хранится список абонентов ВЧ, среди которых встречаются «кабинет товарища Сталина», «кабинет товарища Молотова», «кабинет товарища Маленкова» и т. д. Здесь, за этим столом, один-на-один или в присутствии других — авиаторов или просто друзей по служебным и неслужебным делам, мы с Артемом Ивановичем говорили много и о многом, отсюда же «следили» мы за ходом сталинградской и берлинской битв...

Артем Иванович, если мне память не изменяет, родился в 1907 году в армянской рабочей семье на Кавказе. По-русски он говорит грамотно, но с кавказским акцентом, однако не столь резким, как у Сталина и Берия. Невысокого роста, широкий лоб, умные черты лица, мясистый нос, слегка выдающиеся губы, пышные черные брови и волосы, короткая шея, энергичные движения, быстрая походка, всегда веселое настроение, — таков этот талантливый еще молодой человек. Иные мизантропы глубокомысленно твердят, что советский человек выродился в нерассуждающего фанатика, но это, конечно, пустяки: в Микояне и Гуревиче ничуть не меньше интеллигентности и человечности, чем в любом интеллигенте Запада. Оба умеют строить отношения не только с начальством, но и (особенно) с подчиненными, причем совершенно независимо от ранга и положения. В них нет и тени надменного важничанья, тупой самовлюбленности, заносчивости и истеричной крикливости; с ними приятно поговорить и посидеть.

*) Статья написана для лондонского "Дэйли Мирор". На русском языке публикуется только в "Социалист. Вестнике".

Иногда кажется, что Микоян горяч и резок, но в действительности это — глубоко думающий человек, не принимающей на веру фантазерских измышлений и различающий между возможным и невозможным, кажущимся и действительным. Если вы хоть раз и хоть в чем-нибудь обманете его, — он потеряет всякое уважение к вам, но если вы правдивы, — он отдаст за вас душу и будет относиться к вам, как к брату.

Я познакомился с ним в 1931 году. Мы были мобилизованы центральным комитетом партии в знаменитую Военно-Воздушную Академию имени Жуковского и с тех пор находились на одном факультете, в одной партийной организации. Вместе прошли через страшные годы сталинской реакции, когда истреблялась старая гвардия большевизма, когда из нашей среды исчезали наши друзья и товарищи, когда брат доносил на брата, муж — на жену, жена — на мужа, когда никто из нас не знал, что с ним будет через день и даже через час, когда внутрипартийное инакомыслие «выжигалось каленым железом», когда наши партийные собрания стали походить на заседания военного трибунала. Академия имени Жуковского считалась опорным пунктом правой оппозиции, поэтому на нашу долю пришлись особо тяжелые испытания. Дошло, например, до того, что многотысячный коллектив, состоявший сплошь из офицеров от высшего до младшего рангов и на 95% из членов ВКП (б), был лишен доверия ЦК ВКП (б) и... разоружен.

Вот в этих условиях и избрали мы Артема Ивановича своим партийным секретарем. От него зависело очень многое. И он оправдал надежды: прибегая иногда к авторитету своего олигархического брата, члена Политбюро Анастаса Ивановича Микояна, он смело, не боясь конфликта с органами НКВД и комиссии партийного контроля, заступался за невинных людей, ограждал беспомощных от произвола и спас многих из нас от расправы. Помог он и мне в такую минуту, когда все остальные отвернулись, как от «белогвардейского рупора», «заговорщика», «врага народа» и «контрреволюционного перерожденца». Вот почему мы все, за исключением нескольких фанатиков, относились к нему как к честному товарищу и другу.

По окончании Академии я был оставлен на научную работу, а Артем Иванович назначен инженером военной приемки авиационного завода номер один (Москва), где вместе с тогда еще неизвестным штатским инженером Гуревичем начал, без отрыва от основной работы, заниматься проектированием самолета-истребителя. Сначала им не везло, но весною 1940 года им удалось построить несколько экземпляров одномоторного и одноместного истребителя МИГ-1, который был принят правительством и явился крупным вкладом в советские военно-воздушные силы, так как по своему аэродинамическому совершенству занимал либо первое, либо одно из первых мест в мире. Оригинальная конструкция, агрегатный принцип производства и монтажа, убирающиеся шасси, винт-автомат, 1.225 лошадиных сил мотора, 640 кл./час максимальной скорости, 13.000 метров максимального потолка, 900 километров максимальной дальности, пять пулеметов или три пулемета и подкрыльные ракеты, — вот только некоторые характеристики МИГ-1.

Микоян получил орден Ленина и звание «инженер-майора». Правительство сделало его главным конструктором «Завода номер один». Его самолет был пущен в серийное производство и уже к началу советско-германской войны начал поступать на вооружение ВВС под маркой МИГ-3. Это был кульминационный пункт молодых авиаторов-конструкторов.

Но с первых же дней войны для них началась полоса тяжелых неудач, которые должны служить грозным предостережением для всех конструкторов, в погоне за высокими скоростями забывающих о практических требованиях боевой работы. МИГ-3 наилучшие характеристики давал на высотах порядка 6.000-7.000 метров; ниже 4.000 метров преимущества оказывались на стороне немецкого Ме-109. МИГ-3 имел пять пулеметов, но ни одной пушки, а Ме-109 был вооружен двадцатимиллиметровой пушкой. МИГ-3 имел остроумное кабинное оборудование, но оно оказалось слишком сложным по сравнению с Ме-109. Посадка на МИГ-3 была трудной (особенно для неопытного летного состава, который в военное время образовал основную массу), а Ме-109, наоборот, отличался необычайно простой посадкой. И так далее.

В результате немецкие истребители били МИГ-3 беспощадно, и правительству пришлось в начале 1942 г. прекратить его выпуск. У Микояна и Гуревича отняли завод. Это был кульминационный пункт их падения.

Но, при покровительстве брата-диктатора, Микояну удалось снова получить «место под солнцем». Это был уже не завод, а обыкновенный автобусный парк, — и вскоре возникло ОКБ-155, в котором началась упорная экспериментально-исследовательская работа. Однако, неудачи продолжали преследовать наших конструкторов: был построен многоцелевой двухмоторно-двухкилевой самолет МИГ-5, но правительство отвергло его (1943). Был построен маневренный истребитель воздушного боя с двигателем воздушного охлаждения (МИГ-9А), но, благодаря интригам Лавочкина, был отвергнут и он (1944). Был построен скоростный истребитель-перехватчик МИГ-11, который по своему аэродинамическому совершенству превосходил все, что мне приходилось видеть ранее; летчик-испытатель Жуков дал о нем хорошее заключение; помнится, на центральном аэродроме, сидя в кабине этого шедевра, Артем Иванович сказал мне: «Знаешь, кацо, влюблен в него по самые уши»; но вскоре стало известно, что из-за сплетен интриганов был отвергнут и этот самолет (1945).

В ОКБ-155 начал царить пессимизм. Сотрудники стали подавать заявления о желании уйти на другие работы. В конструкторских бюро Яковлева и Лавочкина намечали сроки окончательного развала ОКБ, которое, по их убеждению, «взялось не за свое дело». Но Микоян и Гуревич сохранили спокойствие, подбадривали подчиненных и поставили перед ними задачу: отдать все силы и знания на штурм **реактивной** техники, изучить лучшие мировые достижения в этой области, начать работу по проектированию реактивного истребителя. По окончании войны ведущие работники во главе с самим Микояном отбыли в Германию и начали изучать немецкий опыт. В их распоряжение были переданы заводы, чертежи, экспериментальные образцы, теоретические исследования и даже кадры фирмы «Арадо» и, частично, «БМВ». В 1946 году, кроме того, Микоян посетил Ве-

двигателями и самолетами.

Итог? В начале 1947 года на вооружение ВВС СССР начал поступать реактивный истребитель МИГ-9, который, помимо прочего вооружения, имел... 53-миллиметровую пушку! Самолет произвел большое впечатление не только на правителей, но и на летный состав СССР, и Сталин вознаградил конструкторов словами: «Спасибо вам, молодцы!». Микояну, Гуревичу, Матюку, Ефрему Файгелевичу Шварцбургу, Анатолию Григорьевичу Брунову и Сергею Николаевичу Люшину была присуждена сталинская премия.

Тем временем в ОКБ-155 были разработаны новые проекты МИГ-13 и МИГ-15, причем первый оказался неудачным, а второй опять увлек правителей, и уже в 1947 году на столе мудрого вождя стоял его макет. Микоян и Гуревич на протяжении двух часов отвечали на вопросы диктатора о МИГ-155. «Ну, и каково их мнение?», спросил я. «В общем хорошее мнение, сказал Артем Иванович, «но некоторые вопросы товарища Сталина не понравились мне, он чем-то недоволен». Я смолчал, но про себя подумал, что «чем-то» недоволен был не только мудрый вождь, а и некоторые друзья, пожимавшие Артему Ивановичу руку: они убеждены, что МИГ-15 стоит перед такой же перспективой, как МИГ-3. Насколько они правы или неправы, покажет время...

В чем преимущества ОКБ-155? Я думаю, что в области аэродинамики советские ученые занимают безусловно первое место в мире. Я думаю также, что общая аэродинамическая культура среднего советского авиационного инженера стоит выше, чем на Западе. Я думаю, наконец, что среди конструкторских бюро в аэродинамическом отношении ОКБ-155 занимает первое место. В этом — его главное преимущество.

Микоян, Гуревич и Матюк, это — прежде всего, аэродинамики, и если бы они имели такие первоклассные двигатели, как, например, британцы или американцы, они создавали бы самолеты-шедевры. Но в СССР моторостроение плетется в хвосте аэродинамических достижений, и это ставит палки в колеса. Н. З. Матюк не пользуется широкой известностью, но достаточно поговорить с ним по специальности часок-другой, чтобы понять, что это — талантливый аэродинамик, интуицией достигающий того, что иным профессорам не удается даже в аэродинамических трубах. Это он является начальником группы общих видов новых самолетов типа МИГ, это он обеспечивает им минимальное лобовое сопротивление и высокие скорости, это он сыграл решающую роль в успехе МИГ-15, и можете не сомневаться, что его успехи пойдут еще дальше.

Иногда спрашивают, почему Яковлев, Лавочкин, Туполев, Ильюшин и другие работают в одиночку, а Микоян в компании с Гуревичем. Но в действительности, «в одиночку» не работает ни один конструктор. У всех есть свои заместители и помощники, свои гуревичи и матюки. Разница лишь в том, что, например, Яковлев не терпит, чтобы его самолеты носили коллективное имя. Лавочкин до 1942 года тоже работал вместе с инженерами Горбуновым и Гудковым, и их первый самолет назывался «ЛаГГ», а не «Ла», но вскоре поссорился с ними, выгнал их и сохранил за собой ОКБ. Его философия очень проста: «я — главный конструктор, все они и должны носить самолеты».

Микоян же, наоборот, делает все возможное, чтобы выдвигать своих сотрудников, популяризировать их, поднимать их авторитет, делит с ними все удачи и неудачи. Прекрасный организатор и неплохой конструктор Микоян плюс первоклассный конструктор и остроумный изобретатель Гуревич плюс талантливый аэродинамик Матюк, — это очень дружный коллектив, совершенно свободный от внутренних конфликтов и способный дать Сталину еще не один первоклассный самолет.

Почти все советские конструкторы имеют воинские звания. Микоян с 1947 года имеет ранг генерал-майора инженерно-авиационной службы, но не имеет никаких ученых степеней и званий, кроме звания «инженер-механик». Гуревич, Матюк и другие сотрудники ОКБ-155 являются штатскими инженерами, но имеют звания конструкторов разных классов, а некоторые — профессоров, доцентов, докторов и кандидатов наук.

Сколько они получают? Точно я не знаю, но ориентировочно: Микоян — от 6.000 до 7.000 рублей в месяц, Гуревич — от 5.000 до 6.000 рублей, Матюк — от 4.000 до 5.000 рублей (включая премиальные).

Все они женаты и имеют детей. Живут в Москве, причем Микоян — в доме правительства, а остальные — на частных квартирах. Артем Иванович уже давно имеет собственную автомашину и правит ею сам. Он не курит и пьет очень умеренно, а Гуревич и Матюк курят, но тоже никогда я не видел их пьяными. Что-же касается чьего-то мнения, что в СССР все хлещут водку, как обыкновенную воду, то это — глубоко клеветническое мнение, похожее на утверждение Джона Сеймура, что в каждой советской семье имеется шпион или «сексот» (я, например, слово «сексот» впервые услышал заграницей, но не в СССР!).

Гуревич, человек лет пятидесяти, в роговых очках, с аккуратно подстриженными усами, хорошо одетый, похожий на университетского профессора. Похож на ученого, и по своему спокойному характеру, вежливости, культурности и тихому голосу.

Зато Матюк, которому 42 года, — типичный южанин, с бурлящим темпераментом и фантастической работоспособностью. Голос у него громкий, характер прямолинейный и честный.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Подписную плату надлежит переводить почтовыми переводами или чеками на Нью-Йорк, выписывая их на имя «The Socialist Courier». или на адрес: F. Atran, 6, Square de l'Opéra, Paris 9e.

которых заключалась только в том, что они были женами ответственных работников. Но Розанов нередко встречался в лагере с выходленными женами ответственных работников лагерного НКВД и начальства; почему он не сделал их объектом своего негодования и презрения? Да и сам он был ответработником лагерной системы и пользовался привилегиями и преимуществами, каких, может быть, не имел бы на воле. Недаром нередки случаи, когда лагерные придурки, отбыв свой срок, остаются работать в лагерной системе уже по добровольному найму.

Вы, г. Розанов, любите выспренно выражаться о "годах каторги", но каторга была для нас, рядовых лагерных, а лагерные придурки делали нам эту каторгу еще более невыносимой. Вы говорите: режим и люди — понятия разные; пусть так, но люди, сознательно или по шкурным соображениям укрепляющие режим, несут часть ответственности за его преступления.

ПАРТИЙНАЯ ТРИБУНА

Наши разногласия

Конечно Александр Македонский был великий человек, но зачем же стулья ломать? Эта не совсем оригинальная ассоциация почти автоматически напрашивается при чтении напечатанного "Заявления" трех товарищей. Конечно, между ними и нами имеются значительные тактические разногласия, в частности в вопросе об отношении к Лиге Борьбы за Народную Свободу и к СВОНР-у; мы расходимся также и в нашей тактике по отношению к проектируемому Совету Освобождения Народов России (СОНР), о чем речь будет ниже. Но зачем эти ложно-классические заклинания, зачем эти трагические предостережения, достойные пророка Амоса? И зачем апелляцию к морали и чистоте "подкреплять" не совсем верными (точнее, совсем неверными) "фактами"?

Начнем с последних: авторы "Заявления" утверждают, что наш орган, "когда-то выражавший коллективное мнение партии и оттенки, в ней представленные, превратился в личный орган редактора, который не предоставляет возможности высказываться другим направлениям в партии.

Мне трудно понять, что такое "личный орган". В обычном словоупотреблении под этим понимается орган, издаваемый отдельным лицом, за которым никто не стоит, кроме него одного, и выражающий только индивидуальные взгляды этого лица. Но разве "С. В." под нынешней редакцией подходит под это определение? Разве орган, выходящий под редакцией одного лица, а не редакционной коллегии, уже по то у одному является "личным органом"? В таком случае я утверждаю, что почти **все** социалистические, да и не-социалистические журналы и газеты во всем мире являются "личными органами": издания, редактируемые редакционной коллегией, — величайшая редкость. Французский "Популэр" от 1921 до 1950 года редактировался Леоном Блюмом. Берлинский "Форвертс", венская "Арбейтерцайтунг", — органы огромных рабочих партий, имели все время единоличных редакторов. То же самое мы видим в Бельгии, скандинавских странах, Швейцарии. Но речь идет не только о газетах. Самые известные и влиятельные в мировом рабочем движении журналы, как знаменитая "Нейе Цейт", десятилетиями выходившая в Штутгарте, "Дер Кампф" в Вене, "Ди Гезельшафт" в Берлине и многие другие, имя им легион, все гуемя имели единоличных редакторов. На этих редакторов всегда жаловались недовольные товарищи, но никто никогда не объявлял эти журналы "личными органами" их редакторов. Не иначе было и с "С. В.". За 31 год его существования, он выходил то под редакцией коллектива, то под единоличной редакцией, но и в первом случае всегда имел одного редактора, который был фактическим редактором, несмотря на отсутствие такого поста в нашей конституции, и накладывал свой иногда очень яркий личный отпечаток на "коллективный" орган. Кто в этом сомневается, пусть просмотрит комплекты "С. В." за годы (примерно, с 1925 по 1938), когда фактическим редактором нашего органа был Ф. И. Дан.

Но, может быть, "С. В." стал "личным органом" потому, что нынешний редактор не дает возможности "высказываться другим направлениям в партии? Какие это "направления"? М. б., авторы имеют в виду тех видных сотрудников "С. В.", Д. Далина, Ю. Денике и Б. Николаевского, которые ушли из него в 1948 г. в силу разногласий с большинством нашей группы в вопросе о тактике по отношению к бывшим власовцам? Но разве не они ли, в особенности I. Аронсон и Б. Сапир, активно содействовали созданию обстановки, которая побудила первую тройку перестать писать в нашем журнале? Им меньше всего пристало упрекать в этом нынешнего редактора, который, кстати, в тот момент не был еще единоличным редактором: только **после** ухода трех он был избран на этот пост.

Но, может быть, множественное число "направления" только псевдоним для **их** направления? Им-де не "предоставляют возможности" выражать в партийном органе их особые воззрения? К сожалению, это заявление ставит истину на голову. Во-первых, всякий грамотный человек может собственными глазами увидеть в № 10 "С. В." от 1950 г. и в февральском номере за 1951 г. довольно обширные документы и полемические статьи не только редактора, но и т. т. Двинова и Аронсона, очень ярко выражающие "другое направление". Да, скажут читатели, но с марта месяца этого года статей этих товарищей в "С. В." не появлялось. Не значит ли это, что редактор и его друзья действительно узурпировали общепартийный орган? Думаю, что читатели переменят свое суждение, если ознакомятся с письмом, отправленным т. т. Аронсоном, Двиновым и Сапиро Р. Абрамовичу и С. Шварцу 8-го марта 1951 г. Оно начинается так:

Уважаемые товарищи,

Разногласия в среде членов ЗД и собрания сотрудников "С. В." сейчас выявились в самой острой форме. Очевидно, что мы стоим перед неминуемым

сильное давление со стороны Москвы, чтобы заставить высшее руководство местной компартии пустить в ход партийную гильотину. В сентябре 1948 г. во время процесса Райка в Будапеште некоторые обвиняемые, получившие соответствующие указания от НКВД, заявили, что в Чехословакии-де существует большая нелегальная заговорщическая организация "титоистов", и что чешские власти, повидимому, этого не замечают. Нужно думать, что в тот момент на верхах еще не было решено, **кого** именно объявить изменниками. Но по мере приближения неизбежного момента, все новые и новые группировки боролись за благосклонность Москвы и выдвигали своих кандидатов на роль жертв.

Внутренняя закулисная борьба в компартии диктуется в нынешние времена не принципиальными и политическими разногласиями, — времена, когда коммунисты боролись за идеологические цели, давно прошли. В настоящее время разные аппараты борются между собой за власть или самосохранение. Тоталитарные режимы всегда строятся на всеобщем взаимном недоверии, на слежке и шпионаже за другими конкурирующими группами внутри господствующего слоя. Партаппарат наблюдает за государственным аппаратом, тайная полиция следит за партаппаратом и государственной бюрократией, тайные партячейки следят за армией и полицией.

Оружием взаимного наблюдения являются не идейные дискуссии и дебаты, а интриги и взаимные доносы. Противники режима обвиняются не в неправильных политических взглядах, а в государственной измене и шпионаже.

В Чехословакии, как и в других странах-сателлитах, различные партвожди возглавляют различные аппараты власти. Тут произошло известное разделение труда между двумя самыми выдающимися вождями, Клементием Готвальдом и Рудольфом Сланским. Готвальд возглавляет правительство, Сланский возглавлял партийную организацию. О политических разногласиях между этими двумя вождями чешского коммунизма до сих пор ничего не было слышно. Даже сейчас, после падения и ареста Сланского, нигде ничего не сообщается о каком-либо политическом "уклоне" обвиняемого: газеты говорят о шаблонных обвинениях в "титоизме", шпионаже в пользу западных держав и намерении "восстановить капиталистическую систему". Эти обвинения всегда одни и те же; все понимают, что они выдуманы и ничего общего не имеют с той действительной борьбой, которая происходит за кулисами компартии. Еслиб Сланский победил в этой борьбе, то те же обвинения слово-в-слово были бы предъявлены Готвальду, и последний, конечно, во всем "сознался" бы.

***

Так или иначе, борьба за кулисами велась. Трудно представить себе, чтобы Сланский пошел на такую опасную борьбу, не имея поддержки в более крупном и высокостоящем покровителе. Сланский никогда не играл самостоятельной политической роли и никогда не претендовал на руководство партией. Он всегда довольствовался ролью второй скрипки, практического организатора за кулисами движения, — аноним много и не очень известного. У него не было ни честолюбия, ни смелости для борьбы за высшую власть, за роль подлинного "генсека" в сталинском понимании. Вдобавок он вряд ли мог расчитывать на то, что ему удастся собственными силами организовать заговор для свержения партийного руководства; он отлично понимал, что такого рода план при первом же практическом шаге будет немедленно выдан Москве. В том партийном и НКВД-ском аппарате, который он формально возглавлял, он был окружен соглядатаями и самыми отвратительными креатурами Москвы.

Такие господа примкнули бы к "заговору" против чешского правительства только с согласия Москвы. Отсюда следует, что если действительно существовал какой-то сговор против Готвальда, то в нем принимали участие агенты Москвы. Вполне возможно также, что Москва поддерживала **обе** боровшиеся между собою фракции, заставляя их следить друг за дружкой и доносить одна на другую, — оставляя за собою окончательное решение, какой именно пожертвовать в последний момент.

Само собою разумеется, что высказанное предположение только гипотеза. Но оно объясняет известные нам факты. Чистка началась в Чехословакии в конце 1949 г. Ее первыми жертвами явились, конечно, "западники": чиновники министерства иностранных дел, возглавляемого Владо Клементисом, и министерства внешней торговли, — люди, проведшие годы войны в Лондоне. Среди других жертв был Вилем Новы, редактор "Руде Право" и председатель Комиссии иностранных дел парламента. Но особенно выделялся арест Милана Реймана, секретаря кабинета премьер-министра, одного из ближайших сотрудников Готвальда и Запотоцкого. По падению коммунистического вельможи обычно предшествует падение его личных сотрудников. Так чистка стала приближаться не только к Клементису, но и к его шефу и другу Готвальду.

***

В начале 1950 г. стало совершенно ясно, что очередной жертвой будет Клементис. Человек с западнической ориентацией и националистическим уклоном, в прошлом — еретик, посмевший критиковать сталинско-гитлеровский пакт, Клементис казался всем как бы предназначенным для чистки. Это было настолько очевидно, что нью-йоркские газеты об этом открыто писали. Сидя в Нью-Йорке, Клементис читал эти статьи рано утром, когда ехал на заседания ОН. Его жене разрешили поехать к нему в Америку. Он мог, ничем не рискуя, остаться в США. Но он предпочел вернуться в Прагу *).

Возможно, что он получил успокоительные заверения от Готвальда. Но если так, то Готвальд оказался бессильным защитить своего друга. Вскоре после своего возвращения Клементис был удален от должности, а через несколько месяцев он был арестован, как "западный шпион" и обвинен, совместно со своими друзьями, партийными вождями Словакии, в заговоре. Не подлежит никакому сомнению, что расправа с ним была предписана Москвой, и очень мало оснований сомневаться в том, что эта фаза чистки была проведена генеральным секретарем компартии, Рудольфом Сланским.

Но когда ЦК партии собрался в феврале 1951 г. для того, чтобы заслушать отчет о деле Клементиса, ситуация внезапно изменилась: в Богемии и Моравии был "раскрыт" гораздо более серьезный "заговор". Когда секретарь словацкой партии Боштановский докладывал о деле Клементиса, его почти не слушали. Зато министр пропаганды Вацлав Копецкий привлек всеобщее внимание, когда в ярких красках описал зловещий заговор, раскрытый властями в "святая святых" режима, в Секретариате Центрального Комитета. Душой заговора была, по его словам, Мария Швермова, член Политбюро и заместительница Генерального Секретаря Рудольфа Сланского. При ее помощи в партию пробралась группа "предателей и шпионов", которым удалось занять видные посты в партии и администрации, в частности, должности областных секретарей партии в Пильзене, Брно и Остраве. Нет такого преступления, которого эти вражеские агенты не совершили бы, — жаловался Копецкий. Секретарь Брно, Отто Шлинг, друг Швермовой, обвиняется, помимо титоизма и шпионажа, еще во взяточничестве, терроризировании рабочих, истязании арестованных и — убийстве своей собственной матери. Не осталось без упоминания и его "буржуазное происхождение" из немецко-еврейской семьи, равно как ужасающий факт любовной связи, которую он в молодости имел с женой крупного еврейского углепромышленника Печека.

***

Но все эти "факты", как бы заимствованные из полицейского романа, отступают на задний план перед политическими последствиями этих разоблачений. Основное это то, что чистке подвергся аппарат **Сланского,** и что люди, им назна-

---

*) См. статью: "Дело Владо Клементиса", "С. В.", март 1951.

ченные или одобренные на высокие посты, "оказались" шпионами и предателями. Во главе этой "банды" оказалась его заместительница и помощница, и нити заговора вели в его личный кабинет. И несмотря на то, что он в тот момент все еще был Генсеком и присутствовал на заседании ЦК, на котором Копецкий делал свои убийственные разоблачения, ему не было дозволено выступить в свою защиту. Формальная версия гласила, что заговорщики использовали для своих черных планов его отсутствие, вызванное его продолжительной болезнью. Но об этой болезни никому до того не было известно, и ее мифический характер был достаточно прозрачен. Было ясно, что его "окружили", и что меч чистки вырван из его рук и передан в руки группы Готвальда.

Чистка партсекретарей была вскоре дополнена чисткой органов Госуд. Безопасности: полицейские генералы были посажены в тюрьму за сношения с "кликой Швермовой", другими словами, с Секретариатом ЦК! Зять Готвальда, Алексей Чепичка, был произведен в армейские генералы и назначен Министром Обороны. Другой приверженец Готвальда, Ладислав Копжива был назначен Министром Безопасности и начальником полиции.

***

Только 7 месяцев спустя, на пленуме ЦК в сентябре 1951 г., Сланский был, наконец, официально снят с поста Генерального Секретаря и вручил свою отставку председателю партии — он же президент республики — Клементу Готвальду. Еще через три месяца Сланский был арестован, как титоист, изменник и шпион.

За все это время Москва ни разу **открыто** не вмешалась во внутрипартийную борьбу в Чехословакии. Она ограничивалась тем, что без всяких комментариев регистрировала официальные постановления чешской партии и сведения о чистке. Даже сообщение об аресте Сланского было напечатано в "Правде" без всяких замечаний от редакции, на четвертой странице, под нейтральным заголовком: "Сообщение правительства Чехословацкой республики".

Но вряд ли можно сомневаться в том, что за кулисами происходил все время оживленный "обмен мнений". Валерьян Зорин, "зам" Вышинского, организатор пражского переворота февраля 1948 г., за это время несколько раз приезжал в Прагу. Новый советский посол Лаврентьев появился в Праге за несколько дней до ареста Сланского. Совершенно очевидно, что Москва, которая в прошлом всегда поддерживала Сланского, на этот раз не сочла нужным его спасать.

Повидимому, фракция Готвальда, ссылаясь на тяжелый экономический кризис и сильное волнение среди рабочих, убедила Кремль в том, что именно она сможет спасти положение в данный момент. Готвальд и Запотоцкий, оба выходцы из среды рабочих и "свои парни" с некоторой традиционной популярностью, были сочтены более подходящими кандидатами на роль "успокоителей" бунтующих чешских пролетариев, чем безличные, малоизвестные и малопопулярные "аппаратчики" из ЦК, — к тому же выходцы из "буржуазии", да еще судетско-немецкой или еврейской: советская сателлитная пропаганда по нынешним временам не гнушается и шовинистической и даже антисемитской демагогией, когда это ей кажется полезным.

Но "свои парни" скоро израсходуют свой небольшой запас относительной популярности. Ведь ликвидация Сланского, этого козла отпущения за грехи режима, не устранит того "упрямого" факта, что режим этот в дальнейшем не ослабит, а, наоборот, только еще усилит свой нажим на рабочий класс, в целях повышения его производительности — без повышения уровня жизни — путем повышения норм выработки, т. е. понижения зарплаты, введения стахановщины, суровых штрафов за опоздание и т. п.

При продолжении этой политики, — а Москва ведь другой политики вести не может, — последние остатки авторитета Готвальда и Запотоцкого будут вскоре израсходованы даже в среде самих коммунистов. Следуя указке Москвы, эти люди подрежут тот сук, на котором они сидят, или, вернее, — сами себе выкопают могилу.

Р. А.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

(К ДЕСЯТИЛЕТИЮ УБИЙСТВА ЭРЛИХА И АЛЬТЕРА)

Поздно вечером, 3 декабря 1941 года, Виктор Альтер и Генрих Эрлих, жившие тогда в советской гостинице в Куйбышеве, были спешно вызваны в главное управление НКВД и оттуда больше уже не вернулись. Там они были "осуждены" и немедленно расстреляны. Мир об этом узнал только через год, когда вожди американских профсоюзов, Вильям Грин — от Американской Федерации Труда, Филипп Мэррей — от Конгресса Индустриальных Организаций и ряд крупных ученых во главе с проф. Эйнштейном, обратились к министру иностранных дел СССР Молотову с запросом о судьбе вождей еврейского рабочего союза (Бунд) в Польше. Ответ из Москвы пришел на имя Максима Литвинова, который в тот момент был послом в Вашингтоне. И в ответе этом было заявлено, что эти два человека были изобличены в антивоенной пропаганде среди советских войск с требованием немедленного заключения мира с гитлеровской Германией. За эти свои действия обвиняемые были присуждены военным судом к смертной казни, и приговор был приведен в исполнение.

Этот издевательский ответ вызвал бурю негодования и возмущения в самых широких кругах американского демократического и рабочего общества. Были организованы грандиозные митинги протеста, появились резкие статьи во всех почти газетах, все возмущались свирепостью расправы и клеветническим характером обвинения. Но характерно, что в тот момент только очень немногие поняли, что бессудная расправа с двумя социалистическими вождями не является простым продолжением "ежовщины" 1937-38 г. г., а сигнализирует нечто бесконечно более грозное и опасное для всего мира.

Виктор Альтер и Генрих Эрлих — два еврейских социал-демократа, вошедшие в революционное движение в России после 1905 года, были не только вождями еврейского Бунда, но и занимали видное место в рядах российской социал-демократии. Более молодой Альтер выдвинулся только во время революции 1917 года; старший — Эрлих, был одним из руководителей Бунда в эпоху 1911-1917 г. г. и во время революции был одним из видных членов Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и членом ЦК РСДРП. В сентябре 1917 года он уехал заграницу в составе делегации Петроградского Совета для подготовки мирной конференции социалистических партий всего мира. Его выступления заграницей дали ему большую популярность в среде Социалистического Интернационала. В 1918-19 г. г. Эрлих и Альтер возвращаются на свою родину, в независимую отныне Польшу, и там становятся во главе еврейского социалистического движения, представленного Бундом. В течение 20 лет они ведут героическую борьбу против польской реакции, с одной стороны, и против коммунистического раскольничества, с другой, пользуясь всеобщим уважением, большой любовью в рядах рабочего класса, не только еврейского, но и польского.

Когда вспыхнула война, Эрлих и Альтер стали во главе сопротивления Гитлеру и приняли деятельное участие в обороне Варшавы. После ее падения они двинулись на восток, в области Польши, в которых, как им тогда казалось, сопротивление Польши против гитлеровских дивизий будет продол-

жаться. Но дальнейшее сопротивление польских войск было невозможно, ибо восточные области Польши были заняты вошедшими туда советскими войсками по договору, давно уже заключенному между Сталиным и Гитлером. Польские войска были разоружены и распущены. Десятки тысяч польских офицеров были интернированы и затем увезены в Россию. А социалистические и демократические вожди, вызволенные при помощи коммунистических доносчиков, были либо расстреляны немцами (Недзялковский, Чапинский, Анна Розенталь и др.), либо увезены органами НКВД в Россию, где их держали в тюрьмах или концлагерях. Альтер и Эрлих попали в Москву, один во внутреннюю тюрьму НКВД, другой в Лефортово. Они были обвинены в том, что состояли агентами польской охранки и "выдавали коммунистов". Их приговорили к "высшей мере наказания", но почему-то не привели в исполнение приговора. А затем их спасло нападение Гитлера на Россию и договор, заключенный под давлением Америки и Англии между Советской Россией и Польшей, во главе которой тогда стоял генерал Сикорский. Десятки тысяч ссыльных и арестованных польских граждан были освобождены по этому договору. Альтер и Эрлих оказались в числе освобожденных. Прежде чем выпустить их и показать польским властям наших друзей, превратившихся в тюрьме в живые скелеты, некоторое время выхаживали в специальной санатории. Перед ними извинялись, старались объяснить все недоразумением и ложными доносами, им отвели номера в гостинице для знатных иностранцев. Им позволили снестись по телеграфу с их семьями в Соед. Штатах, им разрешили образовать Еврейский Антифашистский Комитет; когда немцы подошли к Москве, их вместе с польским посольством эвакуировали в Куйбышев. Все шло как будто гладко и "логично", пока не пришел ночной вызов в НКВД, — столь загадочный по своим мотивам, ибо явно столь ненужный Сталину.

⁂

Это было примерно в тот самый момент, когда Сикорский с точными списками в руках настаивавший перед Сталиным и Молотовым на немедленном освобождении интернированных в Катыне польских офицеров, получил в ответ заявление, что сов. правительству местопребывание польских офицеров неизвестно и что они, может быть, бежали на восток через Сибирь и Монголию.

Этот явно издевательский ответ, прикрывавший неслыханное преступление, совершенное сталинской властью в Катыне, по своему политическому смыслу полностью совпадал с циничным заявлением того же Молотова в ответ на запрос об Эрлихе и Альтере. Политический смысл заключался в том, что Сталин уже в тот момент, в декабре 1941 года, в эпоху "весны" между СССР и Западом, точно знал, что "свободной и независимой" Польше больше не бывать. Он убил цвет польского офицерства для того, чтобы истребить всех тех, кто мог бы помочь построить патриотическую польскую армию. В лице Эрлиха и Альтера, как до того Недзялковского, он убил двух социалистических главарей польского рабочего движения, которые могли бы оказать сопротивление его уже тогда заготовленным планам включения Польши в Советскую империю.

Процесс поглощения Польши путем обезглавления ее демократической и социалистической интеллигенции, с одной стороны, и патриотов-националистов, с другой стороны, закончился в 1945 году провокационным арестом всех вождей польского подполья и созданием псевдо-коалиционного правительства с участием Миколайчика.

Finis Poloniæ — таков был смысл расстрела двух польско-еврейских социалистических эмигрантов. А конец Польши означал и конец всех других сателлитов отданных недумающими союзниками на произвол Сталина. От 3-го декабря 1941 года в Куйбышеве к февралю 1948 года в Праге тянется прямая линия.

⁂

Для нас, старых друзей и товарищей Эрлиха и Альтера, и для всего Социалистического Интернационала, их имена не только исторические вехи на пути развития сталинского тоталитаризма. Это имена гордых и несгибаемых борцов за дело социализма и демократии, людей, у которых никакие пытки не могли исторгнуть "признания" или капитуляции, и которые умерли, как и жили, с гордо поднятой головой. Память о них никогда не умрет в наших рядах.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

В. АЛЕКСАНДРОВА

НЕРАЗРЕШИТЕЛМАЯ ЗАГАДКА ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ

Литературный год начался и кончается спорами о «положительном герое». В последние месяцы этот спор ведется с особенной горячностью в связи с появлением в сентябрьской книжке «Нового Мира» обширного очерка А. Гурвича «Сила положительного примера». И имя автора, и трактовка им вопроса заслуживают внимания. На Гурвиче я остановлюсь подробнее ниже.

Старая тема о «положительном герое», почти ровесница советской литературы, давно должна была бы стать предметом большого исследования. Но литературные критики предпочитают ограничиваться текущими откликами, т. е. на очередном литературном примере они очень убедительно показывают, что «положительный герой» имярек, задуманный писателем, как воплощение «передового человека нашей эпохи», не удался, или что «образ большевика» представлен писателем «в обедненном виде» и не стал горьковским Данко, вырвавшим сердце из своей груди, чтобы зажечь факел, освещающий людям путь из тьмы к свету. Суд критиков всякий раз скор и немилостив: виноват в неудаче писатель, недостаточно вдумавшийся в существо «социалистического реализма». Ни один из критиков не решается прямо высказать простую мысль: если «положительный герой» не вызывает интереса читателей, это значит, что незаконна претензия автора на ведущую роль его героя в обществе.

Любопытно при этом, что многие критики не отрицают добрых намерений писателей изобразить положительного героя как можно привлекательнее. Один из них даже заметил, что иной писатель добросовестно подготовляет условия, чтобы выставить положительного героя в самом выгодном свете. Но эта подготовка имеет сходство с той работой, которая проделывается предусмотрительной администрацией на производстве, чтобы обеспечить какому-либо стахановцу успех нового рекорда. На производстве такая «умная» подготовка венчается успехом, а в художественном произведении это почему-то не удается. Жаль, что это сравнение не было подхвачено в советской литературе и не было додумано до конца. Ведь в нем уже заключен ответ на тревожа-

щий критика вопрос: стахановец, которому администрация подготовила его «рабочее место» и подобрала хороших помощников, действительно, вероятно, добьется нового производственного рекорда; но человек, выбранный для демонстрации этого достижения, даже у себя на предприятии не вызывает особенно возвышающих душу чувств: одни ему завидуют и втихомолку мечтают «переплевать» его, другие втайне его ненавидят. Что же удивительного в том, что такие стахановцы, воплощенные в литературные образы, приносят с собой запах почвы, на которой они взошли?

Немногим лучше обстоит дело и с образом большевика-хозяйственника или секретаря парткома или райкома. Реальные условия развития хозяйства с вечно меняющимися директивами центра, боязнь вызвать гнев наркома, а теперь министра данной отрасли промышленности, вечные «указания» местных партийных инстанций — все это способствовало тому, что из всех вариантов хозяйственника в сущности прижился в литературе лишь тип властного «чугунного» руководителя, прямым предком которого является гладковский предисполкома Бадьин из «Цемента». Но даже самому сегерою этого романа, Глебу Чумалову, Бадьин внушал оторопь: глядя на его стеклянные глаза «со злыми бельмами вражды», Чумалов чувствовал, что не может жить с этим человеком «на одной земле». Никакая гуманистическая косметика, к которой так щедро прибегают писатели типа Ажаева («Далеко от Москвы»), не может поколебать в читателе его внутреннего знания и заставить его поверить, что ажаевский Батманов из Бадьина превратился чуть ли не в Сахар Медовича.

И то же относится к пресловутому образу партийца. Кроме административных талантов, он должен быть вместилищем политической дальнозоркости, разносторонней культурности, бдительности и уменья видеть насквозь окружающих. Он показан настолько загруженным всеми своими обязанностями, что у него не остается времени ни на какую личную жизнь, кроме случайных встреч. Вот откуда в литературе появилась эта галерея «замечательных», но эмоционально скучных партийцев с неудачной, ущербленной личной жизнью, с неустроенным бытом. Павленковский полковник Воропаев (повесть «Счастье») был очень тепло встречен в отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП, но читатель разделяет о нем мнение Лены Журинсй, у которой Воропаев остался в неоплатном долгу...

При всем том дискуссия вокруг «положительного героя» представляет большой интерес потому, что под этим псевдонимом всегда происходит очень знаменательный разговор официальных идеологов с советским обществом. И на каждом этапе в процессе этого разговора выясняются некоторые детали. В послевоенном споре, например, обращает на себя внимание одна особенность: хроническая неудача в изображении положительного героя навела некоторых критиков и писателей на еретическую мысль: а почему, собственно, нужен стопроцентно-положительный герой, если его все равно нет в жизни? Наиболее отчетливо, несмотря на робость выражения — это формулировала Вера Панова в своей прошлогодней статье «Несколько мыслей о технологии нашего ремесла». При всем уважении к «красному карандашу» редактора, писательница открыто призналась в том, что она не верит в возможность появления произведений, в которых действующие персонажи были бы стопроцентно-положительны. Идя по следам «красного карандаша», критики должны набрести на «некий ангельский хор, состоящий из сладчайших теноров». Но «в жизни нет ангельского хора, и это очень хорошо». Писательница пошла даже дальше, высказав предположение, что даже при осуществленном коммунизме не будет произведений, в которых будут одни «сладчайшие тенора».

Но обратимся к А. Гурвичу. А. Гурвич — один из наиболее известных театральных критиков тридцатых годов. В 1949 году он оказался в числе жертв «чистки» театральной критики от «космополитов», «антипатриотических паразитов» и «эстетствующих ничтожеств». Обвинения против наскоро состряпанной «группы» сводились к тому, что критики, оглядываясь на западноевропейские образцы или руководствуясь «гнилым критерием» художественности, не сумели достаточно высоко оценить произведения советской послевоенной драматургии. Среди людей, обвиненных в «буржуазном эстетизме» и «антипатриотизме», А. Гурвич был в числе тех, кто вызвал против себя особенно резкие нападки. Печать была для него надолго закрыта.

За два года вынужденного молчания Гурвич написал большую работу, так и не увидевшую света. Напечатанный сейчас очерк, это лишь сокращенный вариант написанной им книги. Очерк Гурвича сначала был встречен сочувственно: не соглашаясь с рядом высказанных в нем положений, «Литературная Газета» отметила, что очерк содержит «интересные мысли и наблюдения» и что автор высказывает «ряд суждений, заслуживающих серьезного внимания» («Литературная Газета» от 9-го октября). Но вскоре все переменилось.

Первая часть очерка Гурвича посвящена характеристике проблемы положительного героя в дореволюционной литературе. Во то время борьба за образ положительного и деятельного героя была «формой борьбы за те условия жизни, которые позволили бы ему появиться на свет Божий»; «критический реализм» был самым надежным писательским оружием, «критический пафос литературы был основой ее реализма». Постепенно дореволюционным писателям удалось расширить и углубить «арену правды, арену реализма». И русская литература стала «самой правдивой, самой серьезной, самой близкой к интересам трудящихся масс, самой смелой литературой в мире». При всем том, в силу общих условий, эта дореволюционная литература не могла создать образ «положительного героя-деятеля», она сталкивалась тут с непреодолимыми препятствиями». Лучшей иллюстрацией этого может явиться Рахметов в романе Чернышевского «Что делать?» Гурвич считает, что Рахметов «не только эпизодическая фигура, но и вставная». При этом он ссылается на самого Чернышевского, объяснявшего, что его Рахметов «ни главное, ни неглавное, вовсе никакое действующее лицо» в романе и остается «без всякого влияния и участия в ходе рассказа». Вина в этом не писателя, а общих условий жизни в эту эпоху: «в свое время люди, подобные Рахметову, лишенные широкого открытого поля деятельности, должны были развиваться замкнуто, в чрезвычайно узком, тесном кругу себе подобных экземпляров очень редкой породы людей».

Большинство писателей дореволюционной литерату-

ры главное внимание уделяли внутренней жизни своих героев, их чувствам и переживаниям. Но они руководились при этом не только тем, что любовь занимает большое место во внутренней жизни человека, но и тем, что при описании этого чувства писатели могли «претворить в себе неудовлетворенное творческое свободолюбие человека».

С победой революции и «раскрепощением человека» проблема «положительного и деятельного героя» претерпела большие изменения. Исчезла необходимость в прежнем «критическом реализме». Однако, связь с ним имеется и продолжает ощущаться, как «нерасторжимая». Она настолько близка и жива, что, празднуя 125-летие со дня рождения Салтыкова-Щедрина, «советский народ называет этого корифея русской сатиры прошлого века нашим современником». Современные писатели гораздо меньше уделяют внимания внутренней жизни человека, сосредоточиваясь на отображении его общественной деятельности. Все это в порядке вещей. Но Гурвич не скрывает, что кое-что в писаниях современников все же его тревожит. Это «кое-что» касается внутренней цельности активных строителей новой жизни. «Воздух искусства» создается где-то на границе, «где скрещивается внутренняя и внешняя жизнь героев». Писатели должны помнить, что «частная и общественная жизнь, сохраняя свои отличительные особенности и протекая каждая в своем русле, в глубинном, подводном течении не знают водораздела». Поэты и писатели должны помнить, что они призваны отражать жизнь «своего общества, героя своего времени, и никто, кроме современника, этой задачи выполнить не может». Сколько бы литература будущего ни восполняла картину минувших лет, «того, что сделано по горячим следам и живым воспоминаниям, никто не заменит, не отодвинет на второй план». «Историческая точка зрения, открываемая дистанцией времени, не может в поэзии погасить горячий взгляд и голос современника». Вот почему общество «никогда не уповает на писателей будущего, на писателей для своих внуков. Оно само хочет и должно видеть себя в зеркале поэзии». Только выполняя этот заказ своего времени, художественная литература сможет сказаться «ценным наследством для внуков и правнуков».

Смысл этой аргументации ясен: критик ратует за то, чтобы советские писатели не ограничивались изображением общественной деятельности своих героев, а почаще заглядывали бы в сферу их внутренней жизни. Только отображая внешнюю деятельность в сочетании с изображением внутренней жизни, они смогут создать полноценные образы своих современников.

Легко представить себе возмущение литературного начальства по поводу такой «вылазки». В статье «Против антипатриотических взглядов в литературной критике» («Правда» от 28 октября) со всей силой своего негодования обрушилась на автора. Игнорируя ход мыслей Гурвича, «Правда» обвинила автора в том, что он поставил себе целью «очернить великое классическое наследие, которым гордится советский народ». Доказательства? Помилуйте, Гурвич посмел отрицать силу примера образа революционера Рахметова, воплотившего в себе «характерные черты профессионального революционера шестидесятых годов, выкованного (!) русским революционным подпольем». Тем самым Гурвич покусился на писателя, так высоко ценившегося такими бесспорными авторитетами в вопросах литературы, как Ленин, Георгий Дмитров и Сталин. Впрочем, едва ли стоит излагать здесь эту вздорную и злопыхательскую статью. Перебрав все прежние грехи Гурвича, «Правда» спешит к оргвыводам: «Появление статьи А. Гурвича в журнале «Новый Мир» еще раз напоминает о необходимости решительно покончить с либеральным отношением к попыткам протащить в литературную критику чуждые антипартийные взгляды». Можно не сомневаться в том, что срок вынужденного молчания будет Гурвичу продлен, и надолго, а советский «положительный герой», несколько помятый в ходе дискуссии, быстро приведет себя в порядок и снова начнет приставать к своим современникам с вопросом: «В чем дело? Отчего вы меня не любите?»

Кто первый напечатал завещание Ленина ?

В своей статье "Сталин под автоцензурой", помещенной в прошлом номере нашего журнала, П. А. Берлин пишет: "Завещание Ленина, как известно, до сих пор не опубликовано. И долгое время вообще поддерживалось мнение, что никакого завещания и нет. Заставил нарушить молчание известный американский писатель Истмэн, рассказавший о нем в своей английской книжке".

Наш почтенный сотрудник ошибается. В первый раз сведения о "завещании Ленина" были присланы в редакцию "С. В." по одному из наших конспиративных адресов неизвестным нам лицом. То было краткое изложение документа с рядом цитат в кавычках, и мы его напечатали в июле 1924 года ("С. В.", № 15, 1924). Два года спустя мне пришлось встретиться с приезжим из Москвы, который мне передал, что появление нашего сообщения вызвало в Москве в коммунистической среде целый переполох, что было произведено расследование в секретариате ЦК, и что будто бы один из служащих был расстрелян за выдачу секретных сведений "С. В."-у.

Так ли это было, нам установить не удалось. Но факт тот, что "завещание Ленина" было впервые напечатано в нашем журнале задолго до появления книги Истмэна.

Р. А.

РАБСКИЙ ТРУД В СССР:

С. ШВАРЦ

Статистика рабского труда

Вопрос о роли рабского труда во всей системе советской экономики начинает все больше привлекать к себе общественное внимание. Но каковы масштабы этого явления, сколько рабов томится в советских концлагерях (и так называемых трудовых колониях — это только терминологическая разница, которую мы сейчас оставим без внимания), до сих пор остается недостаточно выясненным. Что речь идет о миллионах, не вызывает сомнений. Но количество заключенных в советских концлагерях одними исчисляется в 20 и более миллионов, другими в 6-8-10-12 миллионов. Разница в этих суммарных оценках вызывается тем, что все они основаны на неизбежно очень приблизительных и дробных показаниях бывших заключенных. Официальных данных о числе заключенных в концлагерях, конечно, нет, да и самое существование рабского труда в Советском Союзе с негодованием отвергается советским правительством.

Недавно в американской экономической печати была сделана попытка произвести подсчет заключенных в концлагерях на основании более или менее надежных, хотя и косвенных, советских данных. В октябрьской книжке американского «Журнала политической экономии» Н. М. Ясный, завоевавший себе авторитетное имя в качестве исследователя советского сельского хозяйства (выпущенный им в прошлом году на английском языке фундаментальный труд о советском сельском хозяйстве стал событием в специальной литературе) и перешедший в последние годы к вопросам советской экономики вообще, напечатал небольшую работу «Труд и производительность труда в советских концентрационных лагерях». В работе этой Н. М. Ясный, на основании данных «Годового плана развития народного хозяйства СССР на 1941 год», попытался подсчитать, каковы были масштабы применения рабского труда в СССР накануне вступления Союза во вторую мировую войну.

Это первая попытка такого рода расчетов, и уже по этому одному она заслуживает внимания, хотя выводы, к которым приходит автор, и кажутся мне ошибочными. На этом я остановлюсь ниже. Но сначала изложу ход рассчетов Ясного.

Наш автор анализирует данные народно-хозяйственного плана на 1941 год, содержащиеся в большом томе статистических таблиц, не подлежавшем опубликованию, но в годы войны как-то попавшем в руки немцев, а позже в руки англичан и американцев. Сейчас этот том опубликован в Америке (в виде фотостатической копии). Пользуясь данными этого плана, я попытался в свое время (в статье «Планированное рабство», в январском выпуске нашего журнала за текущий год) выяснить в основных чертах роль рабского труда в советской экономике. Н. М. Ясный пошел гораздо дальше меня в своей работе, поставив себе задачей определить с известной степенью приближения **общее число советских рабов.** Упреждая дальнейшее изложение, упомяну уже сейчас, что общее количество советских рабов достигало в начале 1941 года, по Ясному, трех с половиной миллионов, величины страшной, но все же значительно меньшей, чем это до сих пор принималось всеми, высказывавшимися по этому вопросу в печати.

В народно-хозяйственном плане на 1941 год приводятся данные об общих размерах промышленной продукции НКВД в ценностном выражении и о промышленной продукции НКВД по некоторым отраслям промышленности — лесной, угольной, нефтяной и др. — в товарном выражении; приводятся и данные о размерах участия НКВД в капитальном строительстве. На основании этих данных и сопоставляя их с данными, касающимися промышленности и строительства вообще, количества занятых в них рабочих, производительности их труда и пр., Ясный исчислил количество рабочих, которые должны быть заняты в промышленности и строительстве НКВД для выполнения утвержденных для НКВД на 1941 год программ. При этом автор, конечно, учитывал и вероятную пониженную производительность рабского труда. В итоге он пришел к выводу, что всего в промышленных предприятиях НКВД (включая и лесную промышленность) должны были работать в 1941 году около миллиона рабочих, в строительстве около 1.172.000 и в разных других отраслях около 150.000 рабочих. Итого 2.322.000. Это число наш автор увеличил на 25%, чтобы охватить и тех советских рабов, которые не работают в предприятиях самого НКВД, но сдаются им в наем другим предприятиям. Получается общее число рабов в строительстве и в промышленности в 2.900.000. В это число, однако, не входят административно-канцелярский персонал лагерей, обслуживающий персонал (повара, уборщики и пр.), медицинский персонал, внутренняя охрана, которая тоже в значительной степени состоит из заключенных, и т. п. На все эти группы автор накидывает еще 600.000 и приходит к своей цифре в 3.500.000.

Анализировать рассчеты Н. М. Ясного в деталях в рамках нашего журнала нет возможности. Для той части промышленности и строительства, которая находится в ведении НКВД, рассчеты Н. М. Ясного в основном, повидимому, близки к действительности. С ним, правда, трудно согласиться, когда он переходит к добыче золота, отрасли советской промышленности, целиком или почти целиком находящейся в ведении НКВД, но о которой даже в не подлежавшем оглашению плане не сообщается решительно никаких данных. Для определения числа рабочих, занятых в золотой промышленности, автор исходит из двух спорных предположений: «Мало вероятно, чтобы при наличии непосредственной опасности войны Советы планировали крупный рост добычи золота». И второе: при отсутствии значительного вывоза золота из Советского Союза в последние годы перед 2-ой мировой войной (это бесспорно), «представляется сомнительным, чтобы Советы добывали большие количества золота просто для того, чтобы держать их в хранилищах». На основании этих двух посылок автор принимает добычу золота в Советском Союзе заведомо в значительно меньших размерах, чем это принимают

все без исключения международные эксперты по золоту, и соответственно исчисляет количество занятых добыче золота рабов в 400.000. В действительности добыча золота в СССР, вероятно, значительно больше, чем принимает автор, т. е. больше и число занятых на добыче золота рабов. Трудно согласиться и с совершенно произвольной цифрой в 600.000 для всего непроизводственного персонала концлагерей.

Все это, однако, имеет относительно ограниченное значение для оценки итога подсчета Ясного, и поправки, которых требуют сделанные выше замечания, относительно не так значительно изменяют картину. Гораздо важнее другое.

Н. М. Ясный исходит из предположения о наличности двух основных групп советских рабов. Это, во-первых, концлагерники, работающие в предприятиях НКВД, производство которых в народно-хозяйственном плане классифицируется, как производство НКВД. И, во-вторых, концлагерники, сдаваемые НКВД в наем другим предприятиям. Рассчеты Ясного и относятся к этим двум группам. В действительности, однако, существует кроме этих двух еще и **третья** группа, очень многочисленная, но совершенно ускользнувшая из поля зрения Н. М. Ясного. Это — концлагерники, занятые на работах, которые НКВД (теперь МВД) выполняет в качестве **подрядчика,** и которые в народно-хозяйственном плане проходят не как работы НКВД, а как работы наркоматов (министерств)-заказчиков. Таких работ множество, и число занятых на них рабов гораздо больше, чем число советских рабов, сдаваемых НКВД в наем на сторону.

Косвенные указания на широкую распространенность такого рода работ можно найти и в народно-хозяйственном плане на 1941 год. Возьмем лесозаготовки. Во всей гигантской программе лесозаготовок на 1941 год лесозаготовки НКВД составляют лишь 12%. Среди остальных 88%, может быть, некоторое количество выполнялось советскими рабами, сдававшимися НКВД в наем лесозаготовительным органам, но роль их во всяком случае не была значительна: среди большого числа бывших советских рабов, оказавшихся после войны на положении Ди-Пи, лишь очень редко попадаются лица, которых НКВД отдавал в наем. И Ясный правильно подчеркивает, что количество таких лиц вообще было не очень велико. Так что же, гигантская часть очень значительных лесозаготовительных работ выполнялась так называемыми «вольнонаемными»? Даже в таких малонаселенных районах, как Архангельская область (заготовительный план 19,5 млн. кубометров, НКВД 26,5%), Хабаровский край (10,6 млн. кубометр., НКВД 34,1%), Якутская АССР (1,1 млн. кубометров, НКВД 7,5%), Молотовская область (13,5 млн. кубометров, НКВД 21,6%) и т. д.? Не напрашивается ли сам собой вывод, что очень значительная часть этих работ выполнялась НКВД, как подрядчиком, но что работы эти в плане показывались как работы заказчиков, т. е. не НКВД, а Наркомлеса и других ведомств? В книге М. Розанова «Завоеватели белых пятен» можно, кстати, найти прямое указание на эту практику. Розанов работал зимою 1930-31 года в Мурманском крае в качестве счетовода производственной части одной из «командировок» лесозаготовительной организации со странным обозначением ОСУ, образованной Соловецким Управлением Лагерей и составлявшей часть разветвленной сети хозяйственных организаций этого Управления. «Из бумаг я узнал, — пишет Розанов, — что ОСУ выделено для выполнения договора между Соловецким лагерем и Желлесом — государственным лесным трестом Мурманской железной дороги... Концлагерю запрещалось ставить на бревнах свои клейма. Лес клеймил на катищах приемщик Желлеса, отбивая молотком ЖЛ. Желлес заключал договоры с англичанами. Желес и слал товар: «Пожалуйста, моя продукция. Посмотрите на клейма». Кто же заподозрит, что лес заготовлен принудительным трудом?»

В том случае, о котором рассказывает Розанов, сознательным мотивом, вероятно, действительно было желание советских властей скрыть порочное происхождение экспортного товара (это было время, когда вопрос о советском демпинге стоял очень остро в Европе). Позже эта практика получила гораздо более широкое распространение по мотивам более общего характера: передача работ НКВД, как подрядчику, оказывалась для многих наркоматов чрезвычайно выгодной, освобождая их — в обстановке недостаточности рабочей силы — от многих забот. Насколько широка была эта практика в начале сороковых годов, еще нуждается в специальном исследовании. К концу войны она, во всяком случае, получила очень широкое распространение. В это время стало нормальным явлением, что при окончании какой-либо большой стройки выполнявшая ее строительная организация обращалась с рапортом к Сталину, и рапорт этот вместе с ответом Сталина печатался в газетах. Так мы узнали о возникновении нового органа — Главпромстроя НКВД. Это он через созданную им сеть местных органов руководил постройкой металлургического гиганта в Челябинске («Известия» от 27-го января 1944 г.), металлургического и коксо-химического комбината в Нижнем Тагиле («Известия» от 29-го апреля 1944 г.) и крупного порохового завода в Н. («Известия» от 26-го апреля 1944 г.) и т. д. Металлургический гигант, металлургический, коксохимический комбинат и пороховой завод проходили, конечно, в народно-хозяйственном плане по сметам соответственных ведомств, а отнюдь не по ведомству НКВД. Но чем значительнее эта деятельность НКВД, как подрядчика, тем более далеки от действительности произведенные Н. М. Ясным рассчеты общего количества рабов в Советском Союзе.

***

В свете этих данных может получить объяснение одна странная загадка, до сих пор оставшаяся неразрешенной. В опубликованных в больших советских газетах 29-го апреля 1940 года итогах переписи населения 17-го января 1939 года сообщалось, что по своему социальному составу население Советского Союза группировалось следующим образом (включая и семьи):

рабочие и служащие	49,7%
крестьяне-колхозники и кооперированные кустари	46,9%
крестьяне-единоличники и некооперированные кустари	2,7%
прочие	0,8%

Таблица эта поражала высоким процентом рабочих и служащих. Тем более, что незадолго до того и уже после проведения переписи в официальном статисти-

ском сборнике «Социалистическое строительство СССР, 1933-1938 г. г.» приводились для 1937 года совсем не-похожие цифры: для рабочих и служащих (с семьями) 34,7%, для крестьян-колхозников и кооперированных кустарей 55,5%, для крестьян-единоличников и не-кооперированных кустарей 5,6%, для прочих 4,2%. С 1937 до начала 1939 года произошли, конечно, некото-рые сдвиги, и, например, доля рабочих и служащих мог-ла возрасти, — считаясь с динамикой ее в непосред-ственно предшествующие годы — может быть, до 37%, но никак не до 49,7%. Откуда же это увеличение об-щего числа рабочих и служащих на целую треть?

Сейчас мы, кажется, можем ответить на этот вопрос. Перепись охватила и заключенных в концлагерях. Это точно известно из показаний многих Ди-Пи, бывших со-ветских рабов. При этом рабы записывались при пере-писи не по своей старой работе (или профессии) до по-ступления в лагерь, — как полагает Н. М. Ясный, — а по своей работе в концлагере. Об этом только что рас-сказал в небольшой работе («Как производились пере-писи населения в СССР»), выпущенной Мюнхенским Институтом по изучению истории и культуры СССР, участвовавший в проведении переписи статистик П. Га-лин, и о том же рассказывают и Ди-Пи. Между тем, данные для 1937 года, приведенные в цитированном выше статистическом сборнике, показывают в качестве рабочих и служащих лишь тех, кто охвачен так называ-емым текущим учетом рабочей силы, на концлагери не распространяющимся, ни когда они ведут работы от имени НКВД, ни когда они работают в качестве подряд-чиков (но, как это правильно отметил Н. М. Ясный, охватывающим по месту работы и рабов, сдаваемых НКВД в наем другим ведомствам).

Если бы отмеченное выше расхождение данных ве-ликом следовало объяснять тем, что в более высоком показателе учтены и концлагери, а в более низком они (кроме учета рабов, сданных НКВД по найму) не учте-ны, то общее количество лагерников следовало бы определить приблизительно в треть общего количества рабочих и служащих, охваченных текущим учетом ра-бочей силы. Т. е., при общем количестве учтенных та-ким образом рабочих и служащих к началу 1939 года несколько менее 30 миллионов, общее количество ла-герников ко времени переписи следовало бы определить около 10 миллионов, а принимая во внимание и некото-рое количество рабов, вошедших в текущий учет ра-бочей силы (как сданные НКВД по найму), даже не-сколько выше 10 миллионов.

В действительности число советских рабов было в этот период, вероятно, несколько ниже, так как какую-то часть социальной группы «рабочие и служащие с семьями» по переписи 1939 года следует, может быть, отнести за счет статистической изобретательности ру-ководителей переписи. Так, они, повидимому, отнесли к группе «рабочие и служащие с семьями» и семьи кре-стьян, в которых глава семьи хотя бы временно работа-ет по найму в промышленности, на строительстве и т. п. Может быть, были проделаны и еще какие-либо стати-стические фокусы. Но даже принимая во внимание и эти возможные поправки, общее количество советских ра-бов в период переписи (т. е. и в начале 1941 года) во всяком случае было значительно выше, чем это исчис-лено Н. М. Ясным. С тех пор оно еще резче возросло.

И. МИРОНОВ

И ЛЮДИ, И РЕЖИМ

От редакции: Печатаемая ниже заметка быв-шего воркутянина интересна в качестве че-ловеческого документа, чрезвычайно показа-тельного для напряженности, нередко созда-ющейся в отношениях между лагерной массой и теми из заключенных, которым удается вой-ти в состав лагерной администрации и кото-рых лагерная масса — мы об этом уже не раз слышали от бывших советских рабов — пре-зрительно называет лагерными придурками. Автор заметки и сейчас, через много лет после того как воркутская каторга отошла для него в прошлое, горит ненавистью к лагерным при-дуркам. И он не хочет и думать о том, что и лагерное начальство из заключенных в ка-кой-то мере само является жертвой режима. С этой стороны заметка Ив. Миронова яв-ляется ценной иллюстрацией глубоко проника-ющих в лагерную среду процессов социально-психологической дифференциации.

С присущей ему бойкостью Михаил Розанов, автор книги "Завоеватели белых пятен", полемизируя на страницах "Со-циалистического Вестника" с г. С. Шварцем, вопрошает: кто же виноват в каторжной системе, существующей в СССР, — режим или люди? И поспешно всю вину за беспримерное издевательство и уничтожение людей в лагерях он относит за счет режима, как будто режим является бездушной маши-ной, действующей независимо и вопреки воле людей. Но на-прасно г. Розанов, отрывая режим от людей, пытается оправ-дать тех, кто в лагерях и за их пределами выполняют позор-ные и преступные функции режима.

Михаил Розанов почти весь свой долголетний лагерный срок отбывал на ролях лагерного придурка. Не имея никакой специальности, он очутился на положении старшего эконо-миста и не раз брал на себя административные функции и обычными подлыми лагерными методами подстегивал рабов заключенных, требуя от них "темпов и качества". Розанов не стыдится и не скрывает своей близости к лагерным верхам. В одном месте своей книжки он с какой-то бравадой расска-зывает, как за пол-литра водки он и его шеф катались вдвоем в единственном здесь мягком вагоне по линии Уса-Воркута. И этот "завоеватель белых пятен" ни слова не обронил о том, что на протяжении всей этой шестидесятикилометровой заполярной железнодорожной линии тундра по обе стороны дороги усеяна была костями тысяч заключенных, ее строи-телей.

Тем же путем возвращаясь с Воркутского рудника, Розанов, как знатный иностранец, без видимой необходимости посетил далеко отстоящее от железной дороги, на речке Лех-Воркута, отделение животноводческого лагерного совхоза, где откармливался молодняк. Лагерный придурок интересо-вался, конечно, не рогатым скотом, а женщинами, которые ухаживали за животными. Здесь он выбросил на стол "пачку Беломорканала" и величаво оглядел присутствующих. Заме-тив на нем галифе (атрибут почти всякого лагерного придур-ка), женщины попятились к своим нарам. Банальные шуточки нашего героя вызвали вежливый, но решительный отпор, и он вынужден был ретироваться. Этим, я думаю, только и можно объяснить те злобные выпады по адресу этих несчаст-

зание на то, что мир вступил в эпоху, характеризующуюся все усиливающейся сталинской агрессией, создает совершенно новую ситуацию для всех российских группировок в эмиграции, открывает для них новые, до того небывалые перспективы, но зато и накладывает на них новые обязательства, которых они никогда до того не имели. Именно потому мы и могли четверть века сидеть "все в той же позиции", как чисто-литературная группа, никогда особенно не заботившаяся ни об умножении своих рядов, ни о блоках или коалициях. К чему все это было в ту эпоху, — просто для самоуслаждения.

Теперь же времена радикально переменились. Время чистой литературы прошло, к литературе надо прибавить политическое действие в тех формах и размерах, какие доступны эмигрантским группам. Действие это нужно — и обязательно для нас — прежде всего в области взаимоотношений с теми мировыми силами, которые могут явиться союзниками российской демократии, т. е. с демократическими силами в США, Великобритании, Франции, скандинавских и других странах. С социалистическим сектором мы можем наладить нужные связи через наши интернациональные центры, и смею заверить товарищей из оппозиции, что наше влияние и престиж там нисколько не упали, что бы им об этом ни рассказывали. Если наше влияние ослабело после 30 лет общего уважения, то именно потому, что наша эмиграция длится уже 30 лет.

Социалисты Запада, и в особенности, конечно, не-социалистическая демократия США и др. союзных стран, вынужденные искать союзников в рядах российской демократии, ценят в последней не только добродетельность своих российских союзников, но и политическую активность, их способность к политической агрессии и экспансии, их готовность и умение сыграть роль среди новых эмигрантов, их опыт в задаче объединения разрозненных российских и национально-меньшинственных групп из СССР, их искусство в деле преодоления существующих между этими группами объективных и субъективных противоречий.

В такую эпоху наша партия, или, вернее, то, что еще осталось от нашей партии после 30 лет эмиграции, при невозможности пополнения наших рядов товарищами из России, не может пойти по пути, на который нас зовет, в противоречии с собственными предпосылками, наша оппозиция, — на путь окончательного превращения нас в группу литераторов, для которых "сохранение традиций" 1905 г. превращается в самоцель, и которые на весь период борьбы, до самого момента освобождения России от большевизма, принципиально отказываются от всякого политического действия. Только на второй день после того, как Россия станет свободной, мы, как весталки в белых ризах, выйдем из нашей "кельи под елью", и, ссылаясь на нашу никому не нужную политическую невинность, предъявим требование на водительство. Очень опасаюсь, что ответ, который мы тогда получим, будет не очень вежливый.

Р. Абрамович

ЗАЯВЛЕНИЕ Г. АРОНСОНА, Б. ДВИНОВА И Б. САПИРА

Собрание Нью-Иоркской Группы РСДРП 21-го октября 1951 года большинством 29-ти голосов против 17-ти, по предложению Р. Абрамовича и С. Шварца, фактически санкционировало участие РСДРП в так называемом Совете Освобождения Народов России (СОНР) вместе с власовцами, солидаристами и непредрешенцами.

Впервые за долгие годы нашего существования в изгнании социал-демократической организацией принято решение, порывающее со всем идейным прошлым партии, неизменно отвергавшей всякую коалицию с антидемократическими тоталитарными течениями. Этим решением подводится итог почти трехлетней борьбе в нашей среде о тактике социал-демократии в эмиграции в эпоху, сложившуюся после Второй Мировой войны и характеризующуюся растущей агрессией коммунистической диктатуры в СССР.

Этот итог организационно чрезвычайно неблагоприятен для РСДРП: Заграничная Делегация партии, после 30-летнего существования, обеспечивавшего ей достойное место в Социалистическом Интернационале и авторитет в русской демократической эмиграции, оказалась парализованной; журнал "Социалистический Вестник", выражавший коллективное мнение партии и оттенки, в ней представленные, превратился в личный орган редактора журнала, который не предоставляет возможности высказаться другим направлениям в партии; Нью-Иоркская Группа РСДРП, втянутая в борьбу в угоду стратегическим соображениям, очутилась на грани распада. Все это свидетельствует о глубоком кризисе, в котором находится РСДРП заграницей.

Ответственность за создавшееся положение падает в большой мере на деятелей партии, которым были доверены руководящие посты в заграничной организации, которые, однако, своей деятельностью за последние годы не укрепляли, а расшатывали ее единство и привели не к сохранению и умножению, а к потере идейного и морального наследства и престижа меньшевизма.

Перед возможной перспективой международных осложнений, такая тактическая сдача позиций российских социалистов может только способствовать укреплению коммунистической диктатуры в России. Сближение русских социалистов и демократов с профашистскими элементами, каковыми "Социалистический Вестник" даже в его нынешнем составе считает солидаристов, приводит к утрате социалистами собственного лица и облегчает работу советской пропаганды по дезориентации общественного мнения.

Со всем этим мы мириться не можем.

Против отмеченных выше тенденций, против ликвидации нашего единственного партийного центра — Заграничной Делегации, против монополизации "Социалистического Вестника" против идейной капитуляции перед антидемократическими элементами в русской эмиграции, против дальнейшего пребывания в Лиге Борьбы за Народную Свободу, против участия в Совете Освобождения Народов России (СОНР), против тактики, порывающей с традициями меньшевизма и изолирующей нас в Социалистическом Интернационале, — мы заявляем решительный протест.

Поддержка политических блоков с участием в них антидемократических и авантюристских групп тем более предна что она отвлекает от основной задачи по формированию ядра общественных сил, способных на другой день после краха комдиктатуры, явиться опорой демократического строя в России. Во имя будущей освобожденной России, во имя укрепления демократии и успеха в ней идей демократического социализма, мы поднимаем свой предостерегающий голос.

5 ноября 1951 г. По поручению группы членов РСДРП

Нью-Иорк. Г. Аронсон, Б. Двинов Б. Сапир.

расколом, если ваша политика и тактика пребывания в Лиге не изменится в самом ближайшем будущем.

Письмо затем пространно полемизирует с нами по этому вопросу и кончается следующими двумя абзацами:

"В силу сказанного, мы полагаем, что вы должны немедленно покинуть Лигу, и мы просив вашего ясного ответа на этот вопрос. Если вы из Лиги уйдете, то может найтись возможность общего языка и общего выступления. Если нет, то раскол нашей организации и отдельные выступления неизбежны.

До получения вашего ответа на этот вопрос мы в создавшихся условиях не считаем для себя возможным участвовать в заседаниях ЗД и нести ответственность за "Соц. Вестник".

С тов. приветом **(подписи)**.

Другими словами, названные три товарища предъявили нам ультиматум, подкрепленный угрозой бойкота партийных органов, раскола организации и "отдельных выступлений". А когда мы этот ультиматум отвергли, они привели в исполнение значительную часть своих угроз. Они на целый ряд месяцев сделали невозможной нормальную внутреннюю жизнь Группы, стали выступать в "Новом Русском Слове" и др. органах печати с резкими нападками и демагогической критикой нас и нашей политики и совершенно прекратили сотрудничество в "С. В.". Даже свои "тезисы" они поместили в "Н. Р. С.", не сделав даже попытки поместить их в органе партии. Только сейчас, недели четыре тому назад, когда ноябрьский номер "С. В." был готов, они через председателя Правления Группы прислали нам для напечатания вышеприведенный обвинительный акт против нас. И мы его печатаем.

Так выглядит обвинение в том, что мы "не предоставляли возможности высказаться". Воистину: медведь дерет, да сам же и ревет.

***

Мы довольно долго задержались на "сломанных стульях". Но нам все же придется коснуться еще одного пункта, организационного, прежде чем перейти к сути чисто-политических разногласий, нас разделяющих.

Наша оппозиция ведет себя так, как будто она была "хозяйкой партии". На самом деле, она и политически, и морально-организационно представляет собою меньшинство в наших рядах, в общем не больше трети. Она имеет за собою трех из 8 членов ЗД. Среди наших старых сотрудников-писателей она имеет четырех приверженцев, которые нас сейчас и бойкотируют, но с нами идут в тактических спорах с оппозицией не только старая меньшевистская гвардия (включая и почти всех тех, кто ушли из "С. В." три года тому назад), но и старые и заслуженные социалисты других направлений, как В. Чернов, М. Вишняк, П. Берлин и др.

А что касается нашей партийной организации, то на всех дискуссиях и дебатах (их по меньшей мере было 5, начиная с 18 мая), во время которых наша оппозиция имела содоклады и полную возможность высказывать свою точку зрения и формулировать свои предложения, за их тезисы и предложения неизменно голосовали только несколько человек (5-6-7). Даже на последнем голосовании, о котором они говорят в своем заявлении, при полной мобилизации своих сил, им удалось собрать всего 14 голосов. Между тем, за тезисы большинства голосовало 29 человек. Если присоединить к ним голоса отсутствующих членов, примыкающих политически к линии Николаевского-Денике, то большинство против оппозиции окажется еще больше.

Авторы заявления горько жалуются на то, что группа РСДРП была "втянута в борьбу в угоду стратегическим соображениям". Мне кажется, что членам нашей группы, среди которых имеется много людей с долгим и почетным стажем в рядах РСДРП, покажется очень странным утверждение, что их кто-то "втянул" в борьбу течений. Ведь Группа РСДРП не кружок гимназистов, с которыми надо читать Маркса, но которых в политику втягивать не надо.

***

Основная политическая линия большинства, как она определилась после голосования 21 октября, нашла свое отчетливое выражение в том "проекте резолюции", который был предложен нами собранию. Мы приводим этот проект, — последние четыре абзаца которого были голосованы и приняты, — для того, чтобы наши читатели сами могли сопоставить линию меньшинства, ярко формулированную в "заявлении" трех, с той тактической линией, на которую стало значительное большинство нашего партийного состава.

Заметим только, что основной эмоцией, владеющей нашей оппозицией, является не пафос политической борьбы, — в условиях, которых наша партия, да и вся русская эмиграция никогда не знала за все годы ее существования, — а лишь только пафос "сохранения традиций".

Авторы заявления правильно указывают, что мы живем в эпоху, характеризуемую все растущей агрессией советского империализма, а, следовательно, и подготовкой военной обороны против этой агрессии. В эту эпоху отрицать тактику коалиций, как в международном масштабе, так и в российской среде, может только та группа или партия, которая рассчитывает, и имеет основания рассчитывать, что в процессе этой гигантской борьбы она сможет стать нераздельным гегемоном в освобожденной от большевизма России. На это ставил Ленин в свое время и, как показала история, не без оснований. Когда Ленин, вопреки своим собственным заявлениям и вопреки обще-партийным резолюциям, отказывался в годы Государственной Думы от всяких блоков и коалиций, то для него задача сохранения в полной чистоте "классового сознания пролетариата" и проведения глубокой идейно-политической борозды между рабочим классом и другими классами, имела свои корни в его основной стратегической линии: ведь он стремился к **диктатуре пролетариата,** и только одного пролетариата. Ведь он добивался не власти народа, а нераздельной и монопольной власти для **своей партии,** и только для нее одной. Для **такой** цели ему нужен был крепкий кулак, созданный из нафанатизированных рабочих, одержимых идеей своего классового господства и своей "избранности".

Разве возможно эти понятия, заимствованные из искровско-ленинского арсенала до 1905 года, переносить сейчас на те практические политические задачи, которые стоят перед такой демократической группой, как наша?

Но из этого отнюдь не следует, что мы где-то и когда-то собираемся вступать в блок, — т. е. в тесную политическую коалицию, — с какими-то реакционными, тоталитаристскими, профашистскими или "авантюристическими" (?) элементами, как это утверждает "Заявление". В Лиге, например, против которой "оппозиция" направляет свой главный удар, и которая явилась для них главным "яблоком раздора" с нами, мы не знаем, даже в старом составе, до июльского ухода группы Керенского-Гуля, ни одного члена ее, который подходил бы под одну из перечисленных категорий.

Что касается СОНР-а, то наше отношение к нему с достаточной отчетливостью очерчено в п. п. 7, 8 и 9 приведенной ниже резолюции. Мы не считаем "блоком" всякое пребывание в одной комнате с какой-либо политической группой. Для нас и, — как думаем, для всех политически мыслящих людей, — участие в координационном комитете из многих десятков человек разного направления и разных национальностей, где каждая группа сохраняет полную свободу действий и критики других групп, не является блоком.

Еслиб наша оппозиция не была движима только заботой о "чистоте" и охранении плохо переваренных "традиций", еслиб она обладала способностью делать политические выводы из своих собственных предпосылок, она поняла бы, что ука-

ция с.-д. партии, руководимой Куртом Шумахером, показывает, что открываемая наше перспектива встретила бы, вероятно, и полное одобрение широких рабочих масс, ропу ненавистных и ее боящихся.

Правда, с немецкой точки зрения остается еще один очень больной вопрос, который в советском предложении замолчан, — это вопрос о восточных границах Германии: что станется с теми немецкими землями, которые присоединены к Польше и самому СССР? Но даже самый непримиримый немецкий националист мог бы, вероятно, сказать себе, что за А всегда следует Б: давайте сначала добьемся полной независимости, отделаемся от иностранной оккупации, создадим небольшую, но очень сильную армию, а потом будем разговаривать дальше.

Такова, представляется нам, может быть немецкая реакция на советское предложение, пока не доказано, что за красивым фасадом скрывается опасная западня. И нет сомнения, что именно в этом направлении сейчас работает мысль не только немцев, но и западных держав.

Под их углом зрения вопрос ставится несколько иначе. Правда, они не возражали бы, вероятно, ни против объединения Германии, ни против права Германии производить оружие, — хотя во Франции и Англии против этих двух пунктов было бы много возражений и опасений. Но для них совершенно ясно, что непосредственной целью советского предложения является выход Боннского правительства из Атлантического блока и разрыв всех уже заключенных военно-политических соглашений о создании германской армии, как части вооруженных сил, направленной против Советов западной коалиции. Но, может быть, игра стоит свеч? Может быть, создание германского буфера между Западом и Востоком в Европе совсем не такое плохое дело? Но для чего Сталин это делает, и нет ли тут подвоха? Как сообщают газеты, западные державы решили испытать «искренность намерений» Москвы в том пункте, который, естественно, больше всего бросается в глаза: в вопросе о честных и действительно свободных выборах в Восточной Германии, и в этом смысле отправляют ответную ноту Москве.

Это, действительно, наиболее простая «лабораторная проба». Ибо если Москва собирается сохранить в Восточной Германии выборы по-советски, под террором «Фольксполицай» и компартии, при отсутствии свободы других партий и под постоянной угрозой местью после выборов, — при которых выборные ящики находятся бесконтрольно в руках германского НКВД, — то тут блеф настолько очевиден, что совершенно излишне ломать себе голову над «большой стратегией», тогда новая советская нота не политическая сенсация, а обычный вульгарный пропагандистский трюк, каких уже были десятки. Но что, если окажется, что Москва, согласна, по соображениям «дальнего прицела» или по соображениям, которые нам пока неясны, пойти на риск действительно свободных выборов? Другими словами, что она готова пожертвовать своей властью над Восточной Германией и уйти оттуда, для того, чтобы этой ценой предотвратить образование сильной германской армии, воюющей на стороне США и союзников, а, с другой стороны, создать на своем западном фланге немецкий буфер, который обеспечил бы ее от удара в случае, если она собирается произвести очень большие операции в Юго-Восточной Азии или на Ближнем Востоке? Может быть, новый советский план именно и состоит в том, чтобы «обменять» Восточную Германию на свободу рук в Азии, нужную для достижения бесконечно больших перспектив, чем война в Европе, становящаяся трудной и рискованной?

Такая комбинация была бы в известном смысле логичной. Нейтрализовать Европу путем создания нейтрального германского буфера для того, чтобы в Азии, «корейским методом», т.-е. не пуская в ход своих собственных войск, но снабжая своих сателлитов, — руками китайцев и других расширить и консолидировать советскую сферу в Азии. Восточная Германия, может быть, не такая уж высокая цена для достижения таких больших целей.

Нет сомнения, что в министерствах иностранных дел и в генеральных штабах союзников теперь усердно изучают все эти «варианты», и многие другие, о которых непосвященные и не подозревают.

Вместе с союзниками мы боимся «данайцев», даже когда они как-будто приносят дары. Мы понимаем жажду мира и ужас перед войной, владеющей умами европейских народов, мы понимаем немецких рабочих, которые нисколько не рвутся в бой после стольких лет милитаризма, солдатчины и войн. Но мы также хорошо, может быть, даже лучше иных очень осведомленных иностранных дипломатов знаем все коварство, весь макиавелизм и всю изворотливость политики Кремля.

Мы знаем, что они способны переменить лошадей на полном ходу; внезапно повернуть руль на 180 градусов, перевести стрелку с Запада на Восток, или обратно, — из Азии в Европу, делая вид, что их направление идет из Европы в Азию. Сталин — испытанный мастер притворства и обмана.

Мы хотим надеяться, что союзники не дадут себя сбить обманными маневрами с взятого раз навсегда курса. Они должны со своей стороны тщательно рассчитать, что выгодно им в борьбе на жизнь и на смерть с Кремлем, который, ведь, ни одного шага не делает без тщательно обдуманного плана и намерения. И опыт, к сожалению, показал, что, по крайней мере до сих пор, дипломатическая и военная инициатива всегда была в их руках.

Не нужно самоуничижения в рядах союзников. Уже не раз «тщательно-обдуманные» и опасные маневры Москвы ударяли рикошетом по ней самой (берлинская блокада, интервенция в Ираке и др.). И мы теперь с бесконечно большим доверием относимся к опыту и предусмотрительности союзных вождей, чем несколько лет тому назад. Но нам почему-то кажется, что на этот раз мы имеем дело не с мелким маневром, а с большой игрой со стороны Кремля, с игрой, где на карту поставлена судьба демократического мира, и где малейшая ошибка может иметь роковые последствия. Ближайшее будущее покажет, имеют ли наши опасения под собой какое-либо серьезное основание. Ответная нота союзников, вероятно, прольет свет на создавшееся положение.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ГРУППЫ РСДРП

1) Развитие международных отношений после окончания Второй мировой войны, в результате агрессивной и империалистической политики сталинской диктатуры, привело к неразрешимому конфликту между силами руководимого Москвой мирового коммунизма, с одной стороны, и демократическими государствами, во главе с Великобританией и США, с другой.

2) В этом конфликте российская демократия, как и демократия стран-сателлитов, должна стоять в лагере мировой демократии, победа которой одна только является залогом освобождения и прогресса для всего человечества.

3) Объективная общность интересов, создающаяся в данный исторический период между российской и мировой демократией, должна в дальнейшем привести к той или иной форме политического сотрудничества. Это сотрудничество должно быть основано на сговоре, заключающем, с одной стороны, отказ западных союзников от всяких посягательств на территории освобождающихся народов и от всякого вмешательства в право этих народов определять свои собственные политические и социально-экономические режимы, а с другой стороны, обязательство российской демократии разрешить внутренние национальные проблемы России демократическим путем, на основе права народов на самоопределение путем свободного народного голосования под надзором ОН.

4) Для предстоящего периода борьбы за ликвидацию сталинской диктатуры и создания основ для новой демократической России, РСДРП стоит на точке зрения политического коалирования и сотрудничества с другими группами российской эмиграции и эмиграции национальных меньшинств СССР, которые в прошлом зарекомендовали себя как демократы, или которые всей своей деятельностью и развитием все ближе приходят к демократии. РСДРП решительно отказывается от всякого сотрудничества с группами фашистскими или реакционно-монархическими.

5) В то же самое время в своей практической политике в области взаимоотношений со старой и новой эмиграцией РСРДП отвергает политику сектантства, приводящую фактически к самоизоляции от всех других групп и течений. РСДРП должна отдать себе отчет в том, что она не в состоянии и не должна претендовать на роль монопольного руководителя всего освободительного движения, — единственная предпосылка, которая могла бы оправдать отказ от сотрудничества с другими, отличными от нас группировками. Возможно, что в ходе исторической борьбы необходимо будет установить отношения сотрудничества как с анти-сталинскими коммунистическими группами, которые в своей идеологии попрежнему стоят на принципиальном отрицании демократии в нашем понимании, так с буржуазно-демократическими группами (например, крестьянскими, отрицающими коллективные формы хозяйства в любой форме), или группами, еще не определившимися окончательно, но находящимися на пути эволюции к демократии. Проблема взаимоотношений с такими группами должна решаться в каждом отдельном случае.

6) Что касается конкретного положения дел в российской эмиграции, в настоящий момент, то создавшаяся ситуация характеризуется, прежде всего, неудачей наших попыток создать чисто-демократический Российский Общественный Комитет, состоящий из представителей различных демократических течений и отдельных видных общественных деятелей. Американский Комитет, взявший на себя инициативу создания российского центра, предпочел передать создание Российского Комитета в руки пяти русских групп, со включением НТС.

7) В то же время надо признать, что Штутгартское совещание, в отличие от Фюссена, отказалось от мысли о создании тесного политического блока четырех (или пяти) русских групп, и стало на путь создания широкого Совета (из 60 или 70 человек), составленного из представителей русских политических групп (за исключением монархистов-реставраторов, реакционеров и тоталитаристов), представителей национальных групп (кроме фашистских и активно борющихся за расчленение России), а также и видных представителей общественных организаций и отдельных лиц, русских и от национальных меньшинств.

8) Такого рода Совет, если б он образовался, мог бы рассматриваться, как своего рода "предпарламент в изгнании", служащий целям координации пропаганды и политических выступлений. Он не является блоком партий, и в нем большинство не предрешает поведения меньшинства, которое сохраняет за собой свободу собственного мнения и право публичной критики других групп.

9) Если Совет создастся на этой основе, если конституция и организация Совета будут построены на принципах демократии, и если в его состав не будут допущены члены — все равно, делегаты групп или отдельные лица, — запятнавшие себя недозволительными для члена Совета морально-политическими поступками, то группа РСДРП не видит основания для отказа от вхождения ее представителей в Совет, на равных правах с другими группами. Группа считает, что ее делегаты должны войти в Совет, как представители Российской Социал-демократии и потому полагает, что т. т. Р. Абрамович и С. Шварц должны будут в этом случае вернуть себе полную свободу действий и выступить из Лиги, — сохраняя, однако, с последней добрые отношения и сотрудничество с ней везде, где это представится возможным и желательным.

10) Группа поручает названным товарищам вместе с правлением группы внимательно следить за развитием событий вокруг Совета и принять в нужный момент практическое решение, которое подлежит утверждению группы.

Нью-Йорк.
5 октября 1951.

Р. Абрамович
С. Шварц

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ВЕСТНИКУ»

ЗА 1951 ГОД.

I. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И ЕГО ПРОБЛЕМЫ

	№№	Стр.
Р. Абрамович: Соотношение сил — мнимое и реальное	1	1
М. Вишняк: О марксизме, его вырождении, реабилитации и преодолении	1	16
С. Волин: "Кровь русского народа"	2	29
П. Берлин: О марксизме и диктатуре пролетариата. (Критика статьи М. Вишняка)	2	32
Б. Двинов: Из истории 2-ой мировой войны. (О сепаратном мире)	2	35
Передовая: Путь к миру — или к победе	3	49
Р. Абрамович: Диалектика диктатуры меньшинства	3	57
Юлиус Браунталь: Восстановление Социалистического Интернационала	3	59
Р. Абрамовичь В борьбе за последнее решение	4	73
С. Волин: Мак-Артур, Корея и Китай	4	75
Р. Абрамовичь Народы СССР — союзники мировой демократии	4	79
Передовая: Под углом зрения вечности	5	97
С. Волин: ООН и рабский труд	5	99
Р. Абрамович: Тоталитарная спираль	5	105
Анна Рамсей-Сомерс: Рокфеллеровский доклад о помощи "отсталым странам"	5	114
Передовая: Мир в Корее — война во всем мире	6-7	121
Политика Кремля — не национальная политика России. Открытое письмо редактору "Таймса" Р. Абрамовича, М. Карповича, А. Керенского, Б. Николаевского, В. Чернова и др.	6-7	123
П. Берлин: Двойной империализм	6-7	128
Луи Корей: Война, как орудие коммунистической политики	6-7	131
Р. Абрамович: Новая программа Интернационала	6-7	133
Основные принципы демократического социализма. (Проект декларации Социалистического Интернационала).	6-7	145
Передовая: Мао-Це-Дунь и Сталин	8	149
П. Берлин: Историческая справка	8	169
Передовая: "Новые фантастические виды оружия"	9-10	173
М. Вишняк: Мирное наступлние	9-10	175
Передовая: Что развеселило Вышинского	11	202
Передовая: Нужен план	12	225

II. ВНУТРЕННЕЕ РАЗВИТИЕ СССР И ЕГО ПРОБЛЕМЫ. ВЕСТИ ИЗ РОССИИ

	№№	Стр.
В. Александрова: Литература и жизнь	1	14
Люди и книги	2	38
Правда воображаемого разговора	3	55
Проблема положительного героя	4	84
Смотр литературной молодежи	5	112
Снова чистка	6-7	136
"Литературный Современник"	8	163
Герберт Моррисон и "Правда"	9-10	190
"Творческий простой"	11	213
"Единая, многонациональная"	12	241
Неразрешимая загадка положительного героя	1	3
Б. Д.: "Военная доктрина" Сталина	1	7
П. Берлин: Азиатизация России		
Т. Несина: Наука и политика в СССР	1	9
С. Шварц: Планированное рабство	1	10
Н. Иргизов: Секретный учебник НКВД	1	12
П. Георгиев: Советский Бухенвальд	1	19
С. Шварц: На пороге новой пятилетки	3	74
Г. Токаев: К проблеме социальной и национальной демократии	2	27
С. Шварц: После понижения цен	2	44
Р. Абрамович: Диалектика диктатуры меньшинства	3	51
Г. Токаев: Усмирение Северного Кавказа. (К проблеме социальной и национальной демократии, статья 2-ая)	3	57
Ив. Иванов: Убийство Кирова	4	94
Странник: На колхозном фронте	3	67
С. Шварц: Организация рабского труда	4	76
А. Добровольский: Директор совхоза	4	81
Борис Орлов: Правосудие в советской армии	4	91
С. Шварц: Экономика рабского труда	4	92
Странник: Закат Хрущева?	5	101
Р. Абрамович: Тоталитарная спирал:	5	104
Г. Токаев: Пораженчество и оборончество в СССР	5	105
Подпольное движение в СССР	5	108
П. Георгиев: "На стройке социализма"	5	110
С. Шварц: К национальному вопросу в России	5	116
Поправка	6-7	125
Вера: Вестница оттуда	8	172
А. Добровольский: В русской деревне в 1930 г.	6-7	139
Декларация по национальному вопросу Лиги борьбы за народную свободу и СБОНР-а	6-7	142
М. Вишняк: Федерация и свободный союз свободных народов	8	151
Р. Абрамович: Тоталитаризация большевизма. Конец ВКП	8	153
А. Добровольский: Являются ли коммунисты политической партией?	8	157
М. Розанов: Так кто же виноват: режим или люди?	8	161
С. Шварц: И беда, и вина. (Ответ на статью М. Розанова)	9-10	192
Г. Токаев: О пораженчестве	9-10	193
Р. Абрамович: Было пораженчество, но был и патриотизм	9-10	194
С. Шварц: Реабилитация колониальной политики	9-10	196
П. Берлин: Границы тоталитаризма	11	206
Г. Токаев: Создатели МИГ-15	12	233
Кто первый напечатал завещание Ленина?	12	235
С. Шварц: Статистика рабского труда	12	243
Ив. Миронов: И люди, и режим	12	244
	12	246

III. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В РАЗНЫХ СТРАНАХ.

Б. Сапир: Вооружение Германии и германская социал-демократия	1	5
Франтишек Кохут: Коммунизм в Чехословакии	2	40
Люциан Блит: Правда об Англии. (Ответ Ив. Иванову)	2	47
Марк Хиной: "Рабочий бунт" в Вашингтоне	3	61
Питер Мейер: Дело Владо Клементиса	3	63
Джон Карр-Грегг: Азиатская шестилетка	4	89
Ст.: Коммунизм в Западной Германии на ущербе	5	120
Так было, так и будет. ((В Восточной Германии)	6-7	140

	№№	Стр.
М. К.: Где нет "третьей силы" (Очерки современного Китая)	9-10	177
Люциан Блит: Социальная передышка в Англии	11	203
М. Хиной: "Пушки" и "масло" в США	12	227
Питер Мейер: За кулисами дела Сланского	12	238

IV. ЖИЗНЬ ЭМИГРАЦИИ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

К проблемам русской эмиграции	4	78
Обращение конференции научных работников-эмигрантов	4	96
Петро Яровый: К 10-ой годовщине великой провокации	6-7	138
А. Вересов: Обыкновенная история. ("Новейшие")	6-7	144
Декларация по национальному вопросу Лиги борьбы за народную свободу и СБОНР-а	8	151
Слово за национальными группами	8	151
С. Шварц: О солидаризме и солидаристах	8	165
Петро Яровый: Что такое "Антибольшевистский Блок Народов (АБН)"?	8	171
Новейший: Во имя свободы и демократии. (Первая конференция послевоенных политических беженцев)	9-10	181
Отчет о конференции новейших	9-10	182
Л. Эдвардс: Латвийские фашисты в АБН	9-10	183
Р. Абрамович: Фюссен и Штутгарт	9-10	184
С. Шварц: Солидаристы на путях практической политики	9-10	187
Извещение о совещании 11 групп в Висбадене	11	209
Р. Абрамович: Тяжелые роды	11	210
Петро Яровый: Украинские группы и СОНР	11	213
С. Шварц: После Висбадена	12	236

V. ИЗ ПАРТИИ

"Уточнения" и уточнения	1	22
Г. Аронсон: Письмо в редакцию	1	22
Б. Двинов: Некоторые уточнения	1	23
Р. Абрамович: Тридцать лет	2	25
Скорбный листок: Л. И. Бройдо и К. Л. Клячко	11	218
Р. Абрамович: Наши разногласия	12	247
Заявление Г. Аронсона, Б. Двинова и Б. Сапира	12	249
Проект резолюции Нью-Йоркской Группы РСДРП	12	250

VI. РАЗНОЕ

П. Берлин: Шуйца и десница Бакунина	4	86
Ив. Иванов: Русский Ди-Пи во Франции	9-10	188
П. Берлин: Сталин под авто-цензурой	11	211
М. Вишняк: Памяти Г. П. Федотова	11	215
Р. А.: Памяти Аб. Кагана	11	217
Р. А. Историческое преступление. (К 10-летию убийства Эрлиха и Альтера)	12	240

Читайте и распространяйте Социалистический Вестник!

В Париже он продается в Доме Книги,
в магазине Сияльской, в Возрождении,
у Объединненых Издателей, у Офени, в «Каме»

PRINTED IN FRANCE

Le Gérant : Charles DUMAS

Imprimerie de la S.N.I.E. 32, rue de Ménilmontant, Paris (20e)